

ДЕМ МИХАЙЛОВ

Перекресток
одинокчества

Крест

Дем Михайлов

**ПереКРЕСТок
оди́ночества – 4. Часть 1**

«Автор»

2023

Михайлов Д.

ПереКРЕСТок одиночества – 4. Часть 1 / Д. Михайлов —
«Автор», 2023 — (Крест)

Заключительная книга цикла.

© Михайлов Д., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	18
Глава третья	30
Глава четвертая	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Дем Михайлов

ПереКРЕСТок одиночества

Книга четвертая

Часть первая

Глава первая

Разговор о грядущем и былом

Доносящаяся старая песня не потеряла своей чистоты и прелести даже за пролетевшие десятилетия. Да и вряд ли когда-нибудь потеряет – разве что умрут все те, для кого она значила нечто большее, чем просто песня.

Слышу голос из прекрасного далека,
Голос утренний в серебряной росе,
Слышу голос, и манящая дорога
Кружит голову, как в детстве карусель.
Прекрасное далёко, не будь ко мне жестоко,
Не будь ко мне жестоко, жестоко не будь.
От чистого истока в прекрасное далёко,
В прекрасное далёко я начинаю путь...

Слегка дребезжащий динамик был установлен на высоком самодельном столике у нижних ступеней восходящей к Центру лестницы. Еще пара таких же радиоточек расположились дальше в Холле, что наполнило огромное помещение перекатами музыкального эха и отзвуками далеких голосов.

Стоявшая у столика закутанная в меха высокая старуха, что вроде как бесстрастно слушала песню, вдруг затряслась в беззвучном плаче. Закрыв лицо ладонями, она плакала, а сползший с седой головы старый платок полетел на пол. Успевший его подхватить старик в меховой ушанке торопливо обнял плачущую за плечи, забубнил ей в ухо что-то успокаивающее и ласковое, одновременно тянул ее к ближайшей лавке.

– Вся жизнь... – проплакала влекомая мимо меня старушка, комкая узловатыми пальцами облезлый меховой воротник. – Вся жизнь прошла в клетке каменной. К чему?! За что?! За что ж меня сурово-то так?! За что?!

– Ты, Верушка, не плачь, – пыхтел старичок, явно не в первый раз выступающий в роли понимающего утешителя. – Что уж поделать теперь?

– У меня сын пятилетний... там остался. Семьдесят пятого года рождения. Володенька мой... счастье кареглазое. Весь в отца своего непутевого... Как он там? Жив ли?

– Верушка... ты это... ну брось ты плакать... Хочешь, я тебе чаю стакан сыщу? Сладкого! А может, сигаретку?! Эх скурил я запасец свой особый...

Шагнув к беспомощно озирающемуся старику, я вложил ему в пальцы почти пустую пачку сигарет «Русский стиль» и указал глазами на несколько торчащих из пачки замковых талонов. Разом оживившись, дед куда бодрее потащил рыдающую бабульку к лавке, назидательно ей вещая:

– А чего ты приуныла? Вот в тепле сидим! Сигаретки курим! А сынок твой уж точно не хуже нашего живет! Вот, держи сигаретку. Держи, Верушка. Ты глянь, какой чудной табак... мы у себя в колхозе табак сами растили, сушили да рубали. А тут вон оно как...

– Деревня ты, Степан... – старушка шмыгнула носом и приняла сигарету еще дрожащей рукой. – Деревня...

– Деревня! – счастливо улыбаясь, согласился тот. – А чего? Колхоз имени Ильича! Знатный колхозище! Мы всю Москву кормили!

– Прямо вот всю?

– Ну, половину – так точно! Чего только не растили на заливных лугах! Как Ока-матушка в берега свои летние вернется, а земля чуть подсохнет – так мы разом на трактора прыгаем, напутствие бодрое от председателя получаем и давай пахать!

Прикурив от галантно поднесенной самодельной зажигалки, старушка сделала удивительно глубокую затяжку, выпустила длинную струю дыма и тяжело вздохнула:

– Дурак ты, Степан, неотесанный.

– Ну, до вас, московских, таким, как я, пусть и далече... но кое в чем мы все же получше вашего понимаем.

– Это в чем же?

– Да почти во всем!

– Да почему?

– Как «почему»? Ты сама рассуди! Вот куда вы там в городах ваших смотрите? На стены серые и парки выхолощенные? То ли дело в деревне – вышел на берег крутой да как глянул далече... и от просторов родных аж в груди спирает! Вот и выходит, что вы в городах люди стесненные да бегучие... а на бегу как задумаешься? Некогда! И как бы вы не бегали – все одно куда-то опаздываете. Вот и выходит, что вся жизнь у городских в бегучке бездумной проходит! А вот у нас...

– Эх, не бывал ты в театре, Степанушка... эх, не бывал... – она, вдруг помолодев, сбросив разом лет двадцать, царственно выпрямилась, вздернула подбородок и стала почти красивой. – Не видал ты ничего, кроме репы своей грязной... А я... о каких только ролях я не мечтала...

Дальнейшего разговора я уже не услышал – увидел спускающегося по лестнице посланца из Замка и зашагал к нему, зная, что затем все одно ему придется подниматься, ведь пересекаемся мы за одним из столов в общей зоне Центра. Тем временем из динамиков послышалась следующая песня.

Краем глаза заметив деловитого и шустрого старичка в серой телогрейке с приметной зеленой нарукавной повязкой, шапке-ушанке и высоких валенках, чуть сменил направление и направился к нему. Он как раз присел за один из столиков и, бережно выложив на столешницу электронный планшет в самодельном кожаном чехле, достаточно умело вносил в него какие-то данные, в то время как трое сидящих напротив него старушек торопливо что-то излагали.

– Из новенького что-нибудь!

– Но и классику родную не забудьте!

– Вот-вот! И пусть музыку рано не выключают! В наши годы рано не ложатся, и никто против не будет, коли музыка хоть до утра играть будет!

– Это верно ты, Нюрка, говоришь! Стосковались по музыке-то! Ой стосковались!

– И будет ли сегодня продолжение аудиоспектакля про убийство?

– «Убийство в восточном экспрессе», – закивал старичок в серой телогрейке. – Агата Кристи. Многоголосый, профессиональный. Будет обязательно! Минут через двадцать и начнется. Третья глава!

– От и славно! Уж больно история интересная.

– Опять же, у тех, кто читает, голоса хорошо поставленные. Приятно слушать!

– А есть ли еще такие вот истории озвученные?

– Есть. Завтра будут готовы несколько копий нашего каталога, – старичок закивал чаще и поднялся. – Все будет. Не волнуйтесь.

Едва он отошел от удовлетворенных переговорами бабушек, я поймал его легонько за край рукава и поздоровался:

– Доброго вам, Николай Дмитриевич.

– Охотник! Рад видеть. Чем могу?

– Да просьбочка есть одна. Выбора музыки касательно.

– Пожелания личные есть? Их всегда уважим. Называй мелодии.

– Да нет... – улыбнулся я, шагая рядом с суетливым дедом из Центра, что взял на себя действительно тяжкую обязанность по сбору музыкальных и литературных пожеланий со всего Бункера. – Личных пока нет. А просьба такая: вы при выборе музыки уж учитывайте чутки разные нюансы.

– Например?

– Ну, вот песня сейчас играла красивейшая... Прекрасное далеко...

– Душевная! Аж душу сворачивает!

– Согласен, – кивнул я, помогая ему подниматься по ступенькам. – Вот только воспринимается она слишком лично. Ведь слова там какие... Про то, как из прекрасного далеко слышится чей-то голос и на его зов хочется спешить... а затем туда же уже лежит и твой путь – в прекрасное далеко... Не будем забывать про шепот Столпа, что вечно зовет за собой. И уж точно не надо забывать про то, что для многих здешних... к-хм...

– Да ты говори, говори, – на меня взглянули умные цепкие глаза. – Чего захмыкал?

– Не будем забывать и про то, что тут многим под девяносто и для них ближайший путь в прекрасное далеко означает лишь...

– Смерть?

– Ну... не хотелось бы вызывать у людей ненужные мысли... Пусть думают о веселом, а не светлом и печальном...

– Да понял я тебя, Охотник. Понял. Передам куда следует. Интересно ты мыслишь... а вот сам фильм хороший! Вышел в далеком уже восьмидесятом. Господи! Эпоха пролетела! Ты сам видел фильм-то?

– Видел, – подтвердил я. – Хороший фильм. Кончается, правда, торжественным замуровыванием живой школьницы под эту самую песню, но фильм душевный.

– А? Чем кончается?

– Вы уж музыку хотя бы так чередуйте, чтобы беззаботная с душевной, – попросил я, выпуская рукав старика и ускоряя шаг.

– Чем-чем, говоришь, там фильм заканчивался? Я другое помню! Пересняли, что ли?! У вас теперь там, говорят, многое коверкают...

Рассмеявшись, я развел руками и ничего не ответил. Поднявшись еще на пару ступенек, я поравнялся со ждущим меня посланцем из Замка и крепко пожал ему руку, тут же ощутив ответную железную хватку. Чуть не ослепив меня серебряно-золотой улыбкой, Тон Тоныч вежливо приподнял меховую кепку, что ладно лежала на расчесанных длинных волосах, и, завершив на этом приветствия, мы начали подниматься. Шагал Тон Тоныч с той же легкостью, что и я – много ходящий и занимающийся спортом здоровый мужик средних лет. И это легкость его шагов говорила о многом. Уверен, что если снять с него подбитую медвежьим мехом почти армейскую куртку и виднеющуюся из-под нее старую клетчатую рубашку, то я увижу не дряхлый тощий стариковский торс, а более чем достойную жилистую мускулатуру. И это в его более чем преклонные годы. Еще день назад я его знать не знал. Он сам нашел меня и спокойно представился.

Представитель Замка по особым внешним делам. Послан Михаилом Даниловичем – лидером Замка – в целях профильной коммуникации и грамотной организации всего необхо-

димого для предстоящей экспедиции. Главная цель – сделать так, чтобы экспедиция ни в чем не нуждалась на всем своем протяжении и благополучно вернулась. Представившись, он тут же показал себя, как действительно знающего специалиста, не став корчить главнокомандующего и первым делом спросив, какие мои мысли касательно подготовки, в чем я нуждаюсь и чем надо заняться прямо сейчас. Благодаря этому он сразу вырос в моих глазах. Заодно повысилось и мое уважение к самому Михаилу Даниловичу: ведь он послал ко мне человека-практика, нацеленного на решение проблем, а не теоретика, способного оперировать лишь заумными словечками и посылать помощника за очередным латте без кофеина.

Внимательно выслушав меня, а кое-что и записав, Тон Тоныч назначил встречу на завтра, пообещав к этому моменту решить многое. И судя по его едва заметной улыбке, он преуспел. Впрочем, неудивительно – по моей просьбе он коротко перечислил несколько вех своей биографии, как тамошней, так и здешней.

Антон Антонович Антонов. Такое вот тройное «А».

Восемьдесят шесть лет. В прошлом судовой механик, крепко увлекался боксом, в юношеские годы подвизался носильщиком и проводником у геологических экспедиций. Благодаря экспедициям, научился выносить тяготы долгих путешествий и походного быта, что крепко пригодилось позднее уже здесь. Никогда не был женат, детей не имел, в мир Креста «улетел» прямо с родного корабля. Его столкнул с палубы один из пассажиров, с кем он намеренно долго беседовал о жизни и своем отношении к ней. До воды он не долетел, рухнув на покрытый льдом пол «своего» тюремного креста. Сорокалетний срок отбыл от звонка до звонка. О происхождении на земле узнал быстро, за третий рычаг дергал постоянно и решительно, связи с Бункером наладил загодя.

Такая вот кратко изложенная автобиография, что за десяток скупых предложений охватила чуть ли не век человеческой жизни. А меня заставила задуматься о том, насколько же у «этих» гадов все отменно и продумано схвачено там, в нашем мире. В те времена камер наблюдения не было. Подгадал момент, подпихнул избранного человека в спину, отправляя в чертов телепорт – и все. Концы в буквальном смысле слова в воду. Когда хватятся пропажи и без толку обыщут весь корабль, экипажу останется принять единственный логичный вариант: матрос или там судовой механик выпал за борт. Море забрало. Быть может, они даже развернутся и какое-то время будут искать... Дальше пара записей в судовой журнал, по прибытию в порт короткое и почти бессмысленное расследование со стороны тогда еще милиции... и резюме: «Смерть по собственной неосторожности в следствии нарушения правил безопасности». А кто-то почти обязательно намекнет, что это могло быть и самоубийство, как это всегда бывает.

Подобная собираемая мной информация была важна в первую очередь для понимания объема и частоты проводящихся на нашей планете «ловли и отправки». Вчера я задал пару уточняющих вопросов и выяснил, что тот пассажир, с кем беседовал Тон Тоныч, занимался делами все тех же уходящих в тайгу геологических экспедиций, обеспечивая их всем необходимым, комплектуя состав, выискивая транспорт, пробивая билеты, снабжая снаряжением, заставляя шевелиться ленивых управленцев и вообще выполняя кучу важных дел «на местах». Вся жизнь в дороге. Был хорошо известен на весь немалый край. Пользовался уважением. Любил поговорить на серьезные жизненные темы. Его не раз пытались повысить, но он всегда отказывался, говоря, что не видит себя за письменным столом. На тот момент он трудился не покладая рук уже больше двадцати лет.

Больше двадцати лет!

И скольких людей этот уважаемый человек отправил сюда за эти годы?

Но тут дело даже не в количестве...

Судя по всему, наша новая встреча всколыхнула во мне эти мысли, и Тон Тоныч это заметил. Едва мы уселись за уже накрытый стол в дальнем углу, он предложил, не скрывая интерес:

- Пять талонов за мысли, что у тебя в голове.
- Хмыкнув, я сделал ответное предложение:
- Полный лист талонов.
- Ого! Неужто мысли настолько ценные?
- Я покачал головой:
- Отнюдь. Отвлеченные, но довольно злые и чуток запоздалые размышления. А еще мысли о родине. Ну а еще я впервые очень сильно разозлился.
- На кого?
- На тех, кто нагло заявился к нам и принялся похищать людей. Раньше я не был настолько зол, но осознал кое-что и вот теперь... теперь разозлился...
- Ну... как по мне, вполне звучит на целый лист талонов. Договорились. Так о чем ты таком думаешь, Охотник?
- Вчера вы рассказали свою историю. Я уже немало слышал таких. Да и сам пережил нечто подобное – причем совсем недавно.
- Ну да. Здесь это рядовой случай, – кивнул старик, аккуратно раскрывая искусно выточенный костяной портсигар и выуживая из него сигаретку без фильтра. – Закуришь?
- Нет. Борюсь с этой привычкой.
- И как?
- С переменным успехом, – улыбнулся я. – А насчет мыслей... Минувшей ночью я долго не мог заснуть.
- Так надо было овец считать. Тех, что прыгают через забор.
- В моем случае бесполезно. Я бывший бизнесмен. Поэтому любые цифры мой мысленный процесс скорее будоражат, чем усыпляют.
- О как...
- А вчера я как раз и делал приблизительные подсчеты, добавляя к этому масштабы в границах нашей тогда куда большей по размерам родины.
- Советский Союз нерушимый?
- Он самый. Потом сузил масштабы до России.
- А она тоже немаленькая.
- От края до края, – согласился я. – Я пытался вывести некое среднее число, но у меня никак не выходило – маловато данных. А потом я вдруг понял, что эти цифры вообще неважны.
- Как это? – Тон Тоныч как раз делала первую затяжку и едва не поперхнулся дымом. – Ты что такое говоришь, Охотник? Там ведь каждая единица – живой человек!
- Сострадание надо выбросить из уравнения, – возразил я и выставил ладонь, останавливая приподнявшегося со стула старика. – Тут важно рациональное мышление. И я могу пояснить, почему количество не так важно, как качество.
- Ну, поясни... поясни... – сквозь сизый дым на меня взглянули умные глаза. – Я вот без сострадания не могу.
- Даже если я удвою получившиеся у меня цифры... то итоговая сумма окажется не столь уж и большой – если поделить ее на количество минувших с начала чертовой охоты лет. Но вот качество...
- Качество? Ты уже второй раз повторяешь это слово, а я все никак не могу смекнуть, к чему ты это.
- Я здесь не так давно, но каждый день стараюсь общаться с новыми людьми и трачу на это не меньше часа. Чаще больше. Расспрашиваю, помогаю чем могу.
- Об этом все знают. И все тебе благодарны. Даже большинство из Замка.
- Большинство? – хмыкнул я и пожал плечами. – Так не бывает, чтобы все были довольны.
- Тут ты прав.

– А по количеству и качеству... Меня с самого-самого начала обескуражил чересчур личный подход к потенциальным жертвам. Такой подход никогда не был рациональным, и он слишком затратный, если судить с позиции бизнеса. И слишком медленный.

– Так там не один загонщик орудует!

– Верно. Но это только подтверждает мой вывод: это слишком затратно, слишком хлопотно и очень долго. Вот окажись я на месте такого вот «загонщика», и поставь мне кто задачу обеспечить такое-то количество будущих сидельцев – я бы первым делом уселся в автобус, везущий с отдыха вахтовиков. Автобус, полный тех привыкших к общагам, холоду, снегу, простой пище и тяжелому труду крепких работяг. Сколько там в одном автобусе? Пятьдесят крепких небритых мужиков? И сколько таких автобусов? А целых поездов?

– Погоди. Так бы дело у тебя не пошло.

– Почему?

– Исчезновение полного людей автобуса вмиг привлечет внимание.

– И что? – я рассмеялся. – Да пусть на расследование бросят хоть сотню грамотных полицейских. Что они смогут отыскать? Пустой автобус и брошенные личные вещи? Ну проследят по редким камерам движение автобуса до определенной точки – а в поле зрения следующей камеры он просто не появится. Нет требований выкупа, нет следов... Расследование быстро зайдет в тупик и превратится в висяк. Даже если я вдруг припрусь в полицейский участок и заявлю, что людей телепортировали в летающие тюремные камеры... Вы ведь понимаете, как со мной поступят?

– Ну... либо выпнут за дверь...

– Либо отправят на принудительное обследование, – хмыкнул я. – Ну хорошо... даже если с целым автобусом перебор, и переполох нежелателен – все равно можно действовать чаще и меньшими масштабами. Выхватить людишек тройками, пятерками – мало ли этих современных любителей пешей ходьбы по тропам здоровья... Но...

– Но?

– Но суть не в количестве. Ведь как я уже давно понял и кое-кому даже рассказал, все дело в качестве. Все попавшие сюда люди обладают определенным набором схожих черт характера.

– Тут ты ничего нового не открыл. Мы сами часто беседовали об этом. Чтобы выжить в одиночке и не сойти с ума во время ответных ударов Столпа, чтобы выдержать клятый шепот... Да... Тут нужно иметь характер особый.

– Мы все мыслим в той или иной степени рационально, – начал я перечислять, загибая пальцы, – умеем планировать и выполнять поставленные задачи, наделены определенной ментальной стойкостью, обладаем здоровым эгоизмом. И при этом мы вполне коммуникабельны, умеем торговаться и договариваться. Мы предприимчивы – в той или иной степени.

– Все это мы отметили в наших записях. Да там этих качеств целый список. Но мы подытожили тот список парой слов. И все сошлось.

– И эти слова?

– Дельные люди, – коротко произнес Тон Тоныч и с силой затушил окурок о дно стеклянной помутневшей пепельницы. – Люди дельные.

– Именно, – подтвердил я, пристукнув кулаком по столешнице. – Хорошо вы подытожили. Дельные люди! Они выхватывают из человеческой массы дельных людей. Взгляд у них так наметан, что наверняка видят сразу по какой-нибудь совокупности внешних признаков. Затем долгий или короткий разговор, внутренний вердикт и – либо загонщик уходит, считая тебя непригодным, либо...

– Толчок в спину, и ты внутри креста.

– Именно.

– Так к чему ты мне это пережевывал? Для меня жвачка и так знакомая – я ее уже полста лет жую вместе с остальными стариками. Мы люди дельные. Что с того? Тут нет причины злиться-то...

– Есть! – возразил я. – Только я изначально ее не осознавал. Но причина у меня своеобразная. Не для каждого это станет поводом для злости.

– А для тебя?

– Для меня тут есть повод злиться, – кивнул я.

– Поясни.

– Ну... тут не так просто... надо понимать последствия, понимать масштаб...

– Так ты разжуй.

Чуть помолчав, я не выдержал и протянул руку. Тон Тоныч щелкнул портсигаром, а затем и зажигалкой. Подкурив, я сделал затяжку, отхлебнул чуток еще горячего чая и заговорил:

– Я всегда в этой жизни уважал людей дельных.

– И умных...

– Нет! – отрезал я. – Да, к ним есть уважение, но оно совсем иного рода и не настолько глубокое. Для меня человек дельный – это та самая соль родной земли. Почему? Да потому что можно быть умником и бездельником одновременно. А вот сочетание человека дельного и бездельника попросту невозможно. Вся человеческая цивилизация сумела выжить и преуспеть в первую очередь только благодаря людям дельным, а не гениальным. И ведь в это понятие дельных людей входит очень многое. Они деятельны и последовательны в своей деятельности. Они тоже боятся трудностей, но не пасуют перед ними и, образно говоря, каждый день выходят на каменистое поле с мотыгой в руке.

– Ну захвалил ты нас... и что?

– А то, что именно таких вот людей эти загонщики и забирают. Скольких они забрали из нашей страны за годы? Десятки тысяч? Больше?

– Ну... у нас людишек миллионы.

– Миллионы, – согласился я.

– И дельных среди них немало.

– Немало, – снова подтвердил я. – Но это ведь не повод махнуть рукой и простить. Я вырос в умирающей деревне. В те годы, когда из деревень повально бежали все подряд – у кого были силы или у кого было куда. Преимущественно оставались только старики. Они помогали друг другу выживать.

– Слышал о таком. Грустное дело.

– В нашей деревне был один мужик, Гришка. Я тогда еще пацаном был. Но знал его хорошо – да его все знали. Он был единственным, кто занимался делами деревни. Разбирался с оборванными проводами электропитания, заставлял чистить зимой дороги от снега, помогал чинить заборы, не забывая при этом о собственном небольшом хозяйстве. Он был человеком дельным. Мастеровитым. Всего один такой человек даже не на одну, а на две расположенные рядышком умирающие деревни – и он в одиночку тащил все это на себе. Всего один человек из тех, кто не просто сидит на заднице и ругает власти, погоду и бога, а что-то делает самостоятельно. А потом Гришка пропал. Исчез бесследно в один из ранних осенних дней. Машину его нашли позднее на дороге – старый уазик был в полной исправности. А Гришка пропал. Его так и не отыскали – даже мертвого тела. Легенд о его исчезновении ходило немало, но главное – следующей же зимой вымерла половина дальней деревушки и треть нашей.

– Потому что Гришки больше не было?

– Да, – согласился я, туша сигарету. – Потому что Гришки больше не было. Пропал всего один дельный человек... и случилась локальная катастрофа с десятками смертей. До кого-то просто не доехала скорая, кто-то не смог заготовить дров, кто-то еще по какой-то причине...

И я вот вчера задумался: а не сюда ли Гришка угодил тем ранним осенним деньком? Может, подобрал по дороге какого-нибудь серенького улыбчивого грибника...

– Все может быть... Я понял твою мысль, Охотник. И я понял твою злость. Нельзя выбирать изюм из булки, да? Ешь целиком. А лучше вообще не трогай: булка-то ведь не твоя, а чужая.

– Деловитые, стойкие и предприимчивые люди, как мы теперь обобщили все эти качества характера и души... они важны для любой страны, – медленно произнес я. – Они те самые, кто реализует на практике грандиозные замыслы кабинетных умников. Они те самые, кто воспитывает таких же, как они сами, детей, уча их крепко стоять на ногах и быть независимыми. Это целая прослойка нашего общества, и из-за иноземных ублюдков она стала тоньше. А ведь эти исчезнувшие люди занимали какие-то места в обществе – возможно, важные. И кто занял освободившееся место? Умеющий красиво врать, но ничего не смыслящий в реальности и не любящий впахивать улыбчивый паренек, начитавшийся книг о мотивации и продуктивности? Ну да... так мы далеко пойдем...

– Они далеко пойдут, – поправил меня внимательно слушающий Тон Тоныч. – Мы-то теперь тут. Слушай, Охотник... а как вообще там люди живут? В целом...

– В целом? Да как в тетрисе, в то же время играя в фальшивые фермы и домострой.

– Чего-чего? Вот что ты этим хотел сказать? Про тетрис знаю – у нас даже есть такая портативная штука с экраном и игрой. Тетрис – это где разные фигурки падают сверху и надо успевать их раскладывать, как положено, чтобы тебя не завалило.

– Вот-вот, – кивнул я. – Так люди и живут в тетрисе под названием «жизнь», пытаюсь в последний миг хоть как-то разгрести валяющиеся на их головы проблемы. А чтобы успокоиться, в редкую свободную минутку строят не принадлежащие им цифровые замки, ходят на свидания с ненастоящими женщинами, поливают эфемерные цветы и собирают несуществующие урожаи на виртуальных фермах.

– М-да... что-то все равно постичь не могу. Ну да ладно. Позже помозгую над словами твоими кучерявыми. А пока вот тебе сегодняшняя мудрость от Веры Юрьевны, в прошлом матери многодетной. Сегодня вот с утра столкнулся с ней на завтраке, а она мне и говорит – Тоныч, знаешь, в чем разница между нами и мертвецами? А я ей – и в чем же? А в том, отвечает она мне, что в отличие от покойников мы знаем, что про нас там плохо говорят, и оттого мучаемся.

Я молча развел руками. А что тут сказать? Зато мне вдруг полегчало. Ушла бессмысленная и в чем-то зряшная злость. Я снова мог мыслить рационально и был готов вернуться к обсуждению экспедиции. Но, как оказалось, на текущий момент готов был только я один – собеседник неспешно перебирал листы в принесенной с собой старой кожаной папке на молнии, в пальцах другой руки крутя старомодную чернильную ручку с золотым колпачком. Поймав мой взгляд, Тон Тоныч пояснил:

– Настоящая вещь! Ручка «Олимпиада 80». Нравится?

– Я больше думал над тем, откуда вы берете чернила.

– Пусть кустарно, но изготавливаем свои. И с каждым годом совершенствуем процесс, – гордо ответил старик. – А ты, я вижу, наконец подстроился под наши беседы и совсем несовершенный темп?

– Подстроился, – согласился я. – Вернее научился подстраиваться на ходу. Сначала было крайне непривычно добираться до главной темы так долго... но потом я понял, что в Бункере спешить некуда.

– Именно. Нет тут срочных дел. Распорядок железный, постоянный, медленный. Опять же – за разговорами время незаметней летит. Почесал языком всласть, другого послушал и глядь – а уже ужин... Там-то у вас, поди, все иначе теперь.

Я неопределенно пожал плечами:

– Где как. Некоторые ведут дела по старому неспешному стилю, другие стараются уложиться в тридцатисекундную подачу самой сути...

– О как... Тараторят, поди, как оглашенные.

– Возможно... – усмехнулся я. – А ведь при этом еще и улыбаться надо, и стараться не прикусить язык. Я выступаю за нечто среднее между жеванием соплей и стремительной болтовней.

– Мир изменился, – подытожил Тон Тоныч. – Ну так вон сколько лет пролетело. А у нас все по-прежнему.

– Да нет, – не согласился я. – У вас все даже не по-прежнему, а прямо вот по-старому...

– Опять критикуешь?

– Нет. Скорее констатирую факт. Сегодня утром меня осенило.

– Еще раз? Частенько же тебе светлые мысли в голову приходят, Охотник.

– К сожалению, не так часто, как хотелось бы, – рассмеялся я.

– И в чем же осенило?

– Это скорее догадка, – поправился я.

– Так расскажи. И не торопись: мы все одно Михаила Даниловича ждем, а он задержится еще чуток.

– Серьезное что-то?

– Похороны, – кратко пояснил Тон Тоныч. – Елену Никитичну проводили в последний путь спозаранку. Сто шесть годков прожила. Так вот и поверишь в мистику: она еще неделю назад мне за ужином сказала, что пора, мол, ей уж в дорогу дальнюю собираться. Я ей в шутку – неужто позвал кто? А она – привиделась, мол, мне дочка младшая. Померла она в восемьдесят один год, и страшно ей там в темноте одной на тропке узкой. Вот и зовет маму. Надо идти и помогать. Вести за собой к свету небесному. Но сначала попрощаюсь со всеми неспешно, чайку напоследок поплюю сладкого, да завещание составлю. На все про все, мол, как раз неделя и уйдет. М-да... и ведь на самом деле померла Еленушка. Ушла...

– М-да, – крикнул я. – Мистика как есть...

– А ты веришь во все это? Потустороннее?

– Не особо, – улыбнулся я.

– Молод потому что еще, – припечатал старик и напомнил: – Так что там про догадку твою?

– Не было ли в истории Бункера, причем где-то ближе к временам его основания, так сказать, кого-то из пенитенциарной службы?

– Откуда-откуда?

– Тюремщика, – пояснил я. – Кого-то, связанного напрямую с содержанием заключенных. И речь не о рядовом сидельце, отматавшем свой срок. Речь о ком-то, кто сыграл большую роль в становлении Бункера.

Тон Тоныч удивленно откинулся на спинку стула:

– Ого...

– Я угадал?

– Прямо в точку ты угодил, – кивнул собеседник. – Причем ударил в самую сомнительную и при этом важную для нашей истории персону. Считаю, прямо по лбу покойного Максима Сергеевича щелкнул звонко.

– А он как раз из...

– Потомственный тюремщик, – усмехнулся Тон Тоныч и задумчиво повел головой. – Бушуев Максим Сергеевич. Фигура! Но сомнительная...

– Я уже слышал про одну сомнительную важную фигуру из прошлого Бункера.

– Сергей Панкратов?

– Да.

– Неугомонный экспансионист, исследователь, бунтарь и просто рискованный человек, – кивнул старик. – Уважаю его безмерно. Своей неугомонностью Сергей Панкратов подарил всем жителям Бункера годы и годы дополнительной жизни. Он погиб ради нас всех. Смешно, но то же самое я могу сказать и про Бушуева Максима, хотя многие из знающих о том периоде относятся к нему крайне неоднозначно. А с чего ты решил, что в правлении Бункера был такой человек?

– Взглянул на структуру Бункера сверху, как на схему, – пояснил я. – Вспомнил тех крепких стариков в черных телогрейках у входа в Замок. Разносящих баланду безобидных здешних молодых. Про всегда закрытые двери и четкую иерархию. И как-то во всем этом я разглядел контуры тюремных барачков. Хотя территория Холла больше похожа на поселение для изработанных вольноотпущенных.

– Все верно, – вздохнул Тон Тоныч. – Это все заслуга Бушуева Максима Сергеевича.

– Можно подробнее? Раз уж ждем Михаил Даниловича...

– Да почему бы и нет. Тут секретов никаких. То, что про него и вообще про многих холловцы и центровые ничего не знают, только их вина и ничья больше. Им не особо интересно. Понимаешь?

– Еще как, – кивнул я, усаживаясь поудобней.

– Сигаретку?

– Не, – отказался я. – Лучше чаю погорячее.

Тон Тоныч жестом отдал распоряжение, неспешно добыл сигарету из портсигара, подкурил и наконец заговорил:

– Тут все верно подметил, Охотник. Не все, но очень многое в нашем Бункере определила власть Бушуева. А он мир видел очень по-своему. Хотя тебе этого точно не понять.

– Это почему?

– А потому что молод ты. И потому, что при тебе попросту не было тех организаций, что в свое время леденили душу каждого. Лично я с детства наслышан был – нашу семью напрямую зацепило. Пятеро угодили в лагеря и лишь двое вернулись живыми в пятьдесят третьем. От них и наслушался всякого. А Бушуев тоже оттуда свои корни ведет – только его семья с другой стороны колючей проволоки всегда была.

– Охранники?

– Вся семья Бушуева напрямую была связана с УСВИТЛ. Слышал о таком?

– Нет.

– Севвостлаг.

– Тоже нет. Но это явно какой-то северный тюремный лагерь. Тридцатые годы двадцатого века?

– Они самые. Темные тридцатые. Меня тогда еще не было, а вот родители мои хлебнули горя. Семья у Бушуевых была большая. И каждому нашлась работа. Кто охранником, кто бухгалтером или в администрации лагерной, а кто и похуже карьеру сделал. Когда лагерь закрыли, Бушуевы без работы не остались: их просто перевели в УИТК, где они продолжили трудиться. Спросишь, откуда я это знаю?

– Как раз собирался.

– А Бушуев оставил после себя обширные дневники. Писал мелко, четко, почти без ошибок. Там все. Начиная с истории его семьи, потом как он угодил в тюремный крест... та еще историйка...

– И как он сюда попал?

– По дикому, можно сказать. Руководил конвойной командой одним зимним вечером шестьдесят четвертого. Принимали два вагона с заключенными. Овчарки хрипят и рвутся с поводков, вьюжно, морозно... Он отошел к штабелю бревен, только достал фляжку и хлебнул самогона, как его толкнул в спину его же подчиненный по фамилии Матросов. И Бушуев ока-

зался здесь. Учитывая, что поездная платформа находилась на территории колонии, можно сказать, что он угодил из тюрьмы в тюрьму, по пути резко сменив роли. Но при этом угодил он козырно – сам понимаешь.

Я не сразу догадался. Понадобилось секунд десять, чтобы осознать:

– Полная зимняя форма. Фляга. Может, даже оружие...

– Планшет с документами. Кожаный такой, офицерский. И да – табельное оружие с двумя магазинами. Сверток с задубелыми бутербродами в боковом кармане. Пачка махорки, зажигалка. Да там в его дневниках полный и достаточно длинный перечень – он мужик был педантичный и скучноватый.

– Повезло ему с вещами, – подытожил я, а подумав, предположил: – Толкнувший его в телепорт мог специально подгадать момент, когда Бушуев будет в полном обмундировании.

– Да зима была, – отмахнулся Тон Тоныч. – В записях самого Бушуева такое же предположение. И даже отметка о том, как ему повезло. А еще, к слову, он там страниц пять посвятил размышлениям о том, что за последние годы его службы было прямо немало схожих бесследных исчезновений. Пропадали заключенные и охранники, исчезали поварахи и вольноотпущенные. Все это скрывалось: никто не желал получить по шапке от правления Дальстроя. Где-то в третьей тетради Бушуева, если не ошибаюсь за давностью лет, он упоминает, что встретил на чалке одного из тех самых исчезнувших осужденных. И этот осужденный ему запомнился тем, что у него в свое время не было причин бежать: трудолюбивый, посаженный на семь лет, умело избегающий особо тяжелых работ, умеющий наладить контакт как с уголовниками, так и с администрацией, а незадолго до исчезновения стал смотрящим в бараке. Это я в дополнение к твоим предположениям о похищении и переброске сюда не абы кого, а людей дельных...

– Я хочу почитать эти дневники, – сказал я.

– Обещать не могу. Но ты знаешь кого спросить.

– И спрошу, – кивнул я. – Так этот Бушуев отбыл весь срок?

– От звонка до звонка. Добрался сюда в Бункер. Явился в сохраненной форме – суровый, нестибаемый и много чего повидавший в жизни, помимо долгой отсидки. Так что он очень быстро сделал карьеру, превратившись в крайне жесткого замкового управленца. Не могу не признать: в то время Бункер балансировал на грани. Едва выживали. Вечно всего и вся не хватало. Люди часто не слушались, проявляли характер, доходило почти до бунтов, никто ни за что не нес ответственности. Случались драки и даже смертоубийства.

– Бушуев это дело исправил?

– Еще как исправил. И первым делом он уже имеющиеся границы между социальными слоями превратил в неприступные стены. Разделил стадо на три неравные части, четко прописал условия для тех, кто хотел попасть в Центр или в Замок, выявил и назначил тех, кто надел те самые черные ватники, обустроил и запер арсенал. В общем, он спас ситуацию. И вернул баланс. Но сделал это столь спорными и жесткими методами, что и не поймешь, что теперь делать с этим убежденным сталинистом: памятник ему возводить или расстрелять посмертно.

– Расстрелять кого? – с интересом спросил подошедший Михаил Данилович, сопровождаемый высокой старушкой с подносом в руках. – Не меня ли в расход пустить собрались, друзья душевные?

– О Бушуеве речь, – пояснил Тон Тоныч, и лидер Замка тут же сморщился, как от кислого лимона:

– К-хм... вот уж не ожидал. Еще один седой покойник шевельнулся в могиле... Ну что? Поговорим об экспедиции? Как там с подготовкой, Антон?

– Ну... с подготовкой все хорошо, а вот по составу мы так и не определились после ультиматума Охотника.

– Вот да, – выглядящий чуть устало Михаил Данилович перевел вопросительный взгляд на меня. – С чего вдруг такой радикализм в требованиях?

– Чистые логика и прагматизм, – ответил я абсолютную правду. – Всем значимым персонам Замка нечего делать в моем вездеходе. Если с нами что-то случится, Бункер потеряет опытных управленцев. И кто знает, как это скажется на дальнейшей жизни нашего убежища. Так рисковать нельзя. Опять же, не станем молчать об иерархии: кто кому будет беспрекословно подчиняться в пути?

– Ну...

– И что будет, если в наше отсутствие в Бункер явится не слишком дружелюбная делегация от луковичанцев? Кто будет с ними вести переговоры?

– Да это все понятно, Охотник. Но и ты пойми: не так-то легко взять и послать тебя пусть не на смерть, но все же в крайне опасное путешествие.

– А придется, – спокойно ответил я, доставая из кармана куртки сложенный вчетверо лист старой бумаги. – Кто-то всегда отдает неудобные тяжелые приказы, сам оставаясь в теплом безопасном кабинете. Так было, так есть и так будет. Поэтому состав экспедиции утвержу я. Но согласен взять из Замка одного человека – желательно крепкого, умного, стойкого психически и не играющего какой-нибудь действительной весомой роли в жизни Бункера.

– А остальных?

– Только из Холла, – произнес я. – Хватит пары человек.

– Итого, вместе с тобой четверо?

– Верно, – кивнул я. – Хотя в сегодняшних беседах окончательно определюсь и, может, выберу пятого.

– Что ж... Жители Холла куда лучше умеют обходиться меньшим, – вздохнул Михаил Данилович, массируя лоб. – Надо признать, что за прошедшие сытые годы остальные зоны Бункера превратились в лавандовые богадельни.

– По нашей вине, – хмыкнул Тон Тоныч.

Сделав пару отметок на верхнем листе, он поднял на меня спокойный внимательный взгляд:

– Главное требование к человеку из Замка все то же?

– Да. Он должен умело обращаться со всеми средствами связи, – подтвердил я. – И суметь в свободное время обучить остальных работать с рацией.

– Там не совсем рация, – поправил меня Михаил Данилович. – Хотя подходящего слова и не подобрать. Что-то с чем-то, впихнутое в пару больших металлических ящиков... Даже экран имеется. Все очень просто даже для непосвященных.

– А дублирующая система? На случай, если основная выйдет из строя.

– Еще один небольшой ящик с танкетой на проводе. Мы стараемся предоставить тебе все по списку, Охотник. И большую часть уже собрали, хотя кое-что придется заменить аналогами. Обсудим?

– Для этого и собрались, – улыбнулся я, подсаживаясь ближе к столу. – Обсудим... А это что за рисунок чего-то длинного и странного, торчащего рядом с вездеходом?

– Антенная вышка в разложенном состоянии, – пояснил Тон Тоныч и золотым пером старой ручки начал указывать на части этой конструкции: – В сложенном состоянии чуть выше метра, и в целом этого должно хватить на близких дистанциях. Опять же, на вездеходе можно подняться на почти любой холм, и тогда отпадет необходимость поднимать вышку.

– Она будет крепиться на крышу?

– Все верно. Вот тут шарниры в основании, чтобы сложенную вышку можно было уложить на крышу. Вот тут подъемное устройство со съемной ручкой. Здесь на схеме рычаг переключения шестерней. Дернул – и то же устройство одну за другой поднимет секции вышки. Полная высота антенны почти шесть метров. Конструкцию постарались сделать максимально легкой, но при этом достаточно прочной, чтобы выдержать здешние ветра.

– Разумно.

– Когда все заработает, вышка должна стать хорошим усилителем сигнала и для Бункера – что-то вроде выездной антенны.

– Ретранслятор?

– Он самый, – кивнул Михаил Данилович. – С недавних пор мы с невероятной силой хотим восстановить общение с отдаленными земными бункерами. В эфире слышится что-то, но едва-едва. Возможно, у них проблемы с силой сигнала. А может и новые сигналы какие уловить удастся.

– Дружеские контакты – дело важные, – согласился я. – Что ж... хорошо. Сколько времени уйдет на установку?

– Несколько часов. Все уже готово. Но тебе придется сделать полукруг и заехать в гараж Замка.

– Хорошо. Что по частичному переоборудованию салона вездехода? Тема важная...

– Займемся одновременно с установкой вышки, – ответил Михаил Данилович. – Сделаем все по твоему заказу.

Мой заказ был прост: минимум три откидные койки с ремнями, несколько вместительных контейнеров, приваренных к стенам салона там, где о них нельзя будет удариться головой, один откидной столик и прочие важные мелочи. Сам по себе вездеход был более чем надежной и комфортной машиной с просторным салоном. Но никто из нас не знал, как долго продлится экспедиция. И лучше уж заранее позаботиться о минимальном комфорте.

Мы просидели за столом больше часа. Все это время я ощущал на себе взгляды десятков куда более оживленных, чем прежде, глаз. Старики Бункера воспряли, ожили, зашептались и зашебуршились. Вон какой заинтересованностью блестят глаза. Что меня только радовало – пусть себе обсуждают, предполагают, напрягают мозги и выдумывают невесть что. Это все только на пользу.

Обсудив основные моменты, подбив цифры, утвердив перечни, мы наконец разошлись каждый по своим делам. Мой путь лежал обратно в Холл – там меня ждали другие не менее важные заботы. Перед отбытием я хотел убедиться, что заложенные мной изменения пустили надежные корни и не исчахнут, даже если я не вернусь из экспедиции.

Глава вторая

Ларек, скамейки и чаёк

Михаил Данилович сдержал слово.

Ларек возник почти мгновенно, и появился он не рядом с входом в Замок и даже не на территории Центра. Место было выбрано с умом – «ничейный» пятачок на верхней площадке широкой лестницы. Самое, считай, проходное место. И достаточно широкое, чтобы тут не образовалось затора. Да, холловцам все еще приходилось подниматься по всем ступенькам, но, учитывая их малоподвижный образ жизни, это шло самым любознательным на пользу.

Внешне ларек выглядел, как большой и вполне ладный ящик на четырех высоких колесах. Первый раз его выкатили из Замка еще вчера, и он вызвал настоящий ажиотаж не только в Холле, но и в куда лучше обеспеченном Центре. Сегодня к появлению ларька все отнеслись гораздо спокойней, но около него по-прежнему толпился народ, что, как всегда, больше любовался да торговался, чем покупал.

Проходя мимо, я ненадолго задержался, чтобы оценить происходящее. У стены пара человек в одинаковых серых свитерах – снятые черные ватники лежали неподалеку – сколачивала из грубо отесанных досок то, что в ближайшие дни превратится в остов настоящего торгового ларька. Замковые пообещали сделать его не просто практичным, но еще и красивым, и даже с витринами. Несколько молодых вялых парней, беззлобно подгоняемых тощим старичком в меховой куртке, тащили к стройке тонкие бревнышки. Вся древесина явно добыта из-под снега, а судя по ее отличному внешнему виду, она давно уже хранилась на каком-нибудь из складов Замка.

Как раз сейчас, то и дело повышая голос, взобравшаяся на табуретку бабушка в красном вязанном платье и сером свитере с высоким воротом, с нервинкой поправляя большеватые для нее очки, поясняла внимающим людям про ближайшее будущее:

– Магазинычок достроят за три дня! Все товары продаются и будут продаваться только за талоны! Считайте их нашими деньгами!

– А где их взять-то?!

– С этого дня Замок начинает выдавать различные работы для желающих. Оплачиваемые нетрудные работы! Так же у входа в Замок откроется что-то вроде ломбарда и скупочного пункта, где вы сможете по хорошей цене заложить или продать ненужные вам вещи.

– Сюда не каждый сможет подняться! Колени наши совсем не жалеете!

Старушка в красном платье пренебрежительно отмахнулась:

– Не переживайте за свои колени и поясицы! Как только магазинчик заработает, вот эта торговая тележка раз в день будет спускаться в Холл и находиться там с десяти утра до двух часов дня. Воспользоваться выездным ларьком смогут даже лежащие больные!

– А лекарства? Лекарства продаваться будут?

– С этим пока никак. Но в продаже появятся вполне действенные настойки и мази нашего собственного изготовления. Помогают облегчить ревматические и артритные боли. Унимают зубную боль. Позднее сможете посмотреть все в каталоге.

– А где он?

– Скоро будет.

Закончив с пояснениями, она уже начала было сползать с высокой табуретки, держась за галантно протянутую руку одного из слушателей, но спохватилась и выпрямилась снова:

– Сегодня же здесь появится несколько пристенных лавочек и стол с самоваром и чайником. Чай здешний – на травках. Вкус приятный даже без сахара.

– И почему чаек замковый?!

– Замковый чаек бесплатен для всех, кто совершил покупку! Каждому покупателю выдается полный граненый стакан в меру крепкого чая.

Закончив, она спустилась с импровизированной трибуны, а народ тут же сомкнул полукругом ряды у тележки, обороняемой парой вполне бодрых и крикливых продавцов, что сразу же принялись наводить порядок. А я двинулся вниз по лестнице, то и дело здороваясь со встречными и справляясь об их делах.

Бункер ожил. Совсем ожил.

Понятно, что резкий прилив оживленности и шумихи вызван появлением торгового лотка – да просто появлением чего-то нового, но все же Бункер ожил. Когда я попал сюда в первый раз, то здешних обитателей можно было принять за редко и бесцельно бродячих лунатиков. Все бестолково слонялись от стены до стены, изнемогая от безделья и скуки. Теперь же почти у каждого появилась какая-то ежедневная важная забота, а оставшиеся пока без таковой уже не слонялись, а либо помогали в чем-то по мелочи, либо кучковались и радостно обсуждали всех и каждого, не забывая наблюдать за бурлящими в Холле новыми процессами.

Эти вот начинания, кстати говоря, я и хотел сейчас проверить.

Как частенько говаривала моя бабушка: «Начать дело любому дураку по силам, а вот хорошо продолжить и правильно завершить дано не каждому».

Удивительно, но очередной раз я вынужденно притормозил в самом центре Холла даже с удовольствием. Тут, где раньше была грязная пустота с редкими лужами, подернутыми ледком, теперь было тепло, чисто, сухо и совсем не пусто. Главное место заняла удивительная композиция, что состояла из двух сдвинутых торцами столов. Лавки отодвинули, разместив их квадратом вокруг столов. Столешницы застелили старыми простынями, добавили всякой мелочи вроде искусственных хвойных веточек, елочных новогодних игрушек и каких-то фигурок. Но это все по краям. А в центре гордо встали доставленные мной в Бункер «икебаны», самовар и патефон. Они и раньше были выставлены на всеобщее обозрение, но теперь их объединили и добавили к ним еще несколько не менее раритетнейших предметов. Я увидел блестящий велосипедный руль со звонком, большую пластиковую красную неваляшку, высокую хрустальную вазу, две потемневшие иконы...

Удивительно... да ведь тут образовался яркий музей. И ведь еще вчера его не было, а с утра я так торопился, что не обратил внимания на неспешную деятельность в центре Холла. А тут вон оно как...

Все лавки вокруг заняты преимущественно женщинами. Некоторые из них что-то оживленно обсуждали и даже спорили, другие созерцали «выставку», третьи просто мирно дремали. Уловив царящую здесь атмосферу, я с трудом сдержал удовлетворенную улыбку и просто пошел дальше. Тут все отлично, и поэтому не стоит вмешиваться.

Следующий час с небольшим я в составе чуть ли не комиссии – но не во главе, решительно открестившись от этой ненужной роли, – прошелся практически везде. Мы побывали в расширяющемся монастыре, где прибыло монашков и трудников, а заодно добавилось освещения и десятков самодельных узких коек. Следом сходили на кладбище, где посетили из уважения несколько могил – я не забыл про старого охотника, – а потом обсудили перспективы вполне себе неплохо растущей съедобной травы. Сошлись на том, что производство надо расширять, но действовать следует неторопливо. Под конец наведались на кухню, оценили запас дров, прошлись по всему Холлу, привлекая к себе всеобщее внимание. Это и было моей главной целью: я и без того знал, что все работает, как надо, всего на текущий момент хватает и более чем умные и деятельные люди бдительно приглядывают за каждым процессом. Скинувшие с себя многолетнюю дремоту жители Холла больше не хотели погружаться в спячку и, пожалуй, проявляли даже излишнее рвение в своих новых обязанностях. Никакого контроля и подпिनывания не требовалось. Но тут главный фокус заключался в ином – чему я научился в уже прошлой своей деловой жизни.

Люди должны постоянно видеть рвение начальства. Они должны видеть, как ответственные люди падают на карачки и, пачкая колени и ладони, заглядывают в каждую щель. Подчиненные должны видеть, что начальство досконально разбирается в своем деле и вникает в каждый вопрос. Должны видеть, как назначенные на ответственное дело люди находятся в постоянном круговороте дел, попутно выявляя недостатки, наказывая бездельников, поощряя отличившихся и не имея никаких любимчиков. И, что самое-самое главное, обычный работающий и иждивенческий люд должен видеть, что начальство в курсе.

В курсе чего именно? В курсе вообще всего. И никак иначе.

Только и только таким руководителям мы доверяем на подсознательном уровне. Только при таком руководстве мы тоже начинаем работать изо всех сил, впрягаясь в общую бурлацкую упряжку. Только так возможно свершить настоящие крупные дела.

Этим вот мы и занимались, давая круги по Холлу и кладбищу, выявляя мелкие недочеты, подправляя план работ, назначая ответственных. Одного из ранее назначенных даже пришлось убрать – он руководил группой, направленной на создание неглубоких стенных ниш под будущие грядки травы. Но вместо руководства занимался запугиванием работяг историями о недоброй силе кладбища, причем и сам боялся до дрожи. На его место встал флегматичный семидесятилетний Паша в лохматом меховом плаще. Он сразу объявил, что мертвецов боятся только дебилы – бояться надо живых. Кайла разом затюкали с удвоенной скоростью...

Успешно завершив обход, еще полчаса мы просто общались со всеми, кто подходил к занятому нами столику рядом с «музеем», одновременно обедая наваристым супом.

Почувствовав, что я уже перенасыщен и перегружен общением, поднялся в охотничью хижину, неспешно и достаточно легко оделся и покинул бункер, предварительно зайдя в вездеход и дернув за рычаг – пора машине прогреться.

Перед входом в убежище то и дело скапливалась нанесенная ветром снежная масса. Ею я и занялся. Размеренно орудуя взятой у входа лопатой, я принялся отбрасывать снег от ворот, стараясь держаться рядом со стенами. На мне был рюкзак с защитным «козырьком», но полгаться на него не хотелось – я уже совершал полет в когтях летучей твари, и повторять этот опыт не хотелось.

Любая долгая и не слишком выматывающая физическая работа – прекрасный повод для погружения в столь же долгие конструктивные размышления. А еще мне она с раннего детства успокаивает разум и помогает упорядочить мысли. Поработав почти час, слегка вспотев, я вернул лопату на место и довольно долго стоял у закрытой двери, вглядываясь в вечную ночь.

Ветер усилился. С ревом ударяя в стену Бункера, швыряя снег, он несся над вершинами холмов по направлению к Столпу. Замороженный колосс решил сделать вдох полной грудью? Тогда вдох затянулся, и стоит бояться мощнейшего выдоха. В темном небе то и дело мелькали вспышки разрядов из орудий летящих по вечному кругу крестов. Черные облака с такой скоростью выплевывали из себя снег, будто им вспороли брюха. Обычная здешняя погодка... хотя ветер удивительно силен даже для здешних реалий.

Непроницаемый мрак повис на холмах тяжелым покрывалом, и на этом черном полотне не виднелось ни единого дергающегося огонька фонарика, зажатого в дрожащей руке бредущего сквозь снег старика. Странно о таком даже думать, но верь я в бога, уже молился бы о чудовищном: дабы сегодня никому из старых сидельцев не даровали свободу. Вряд ли они сумеют пробиться через столь сильную пургу и попросту стинут в снежных могилах еще до того, как до них доберутся медведи и черви. Пусть уж лучше просидят еще несколько суток в теплых привычных крестах.

Вернувшись в Бункер, я забрался в вездеход, уселся поудобней в водительском кресле, дернул за рычаг и кивнул ожидающим моего сигнала холловцам. Как только вездеход залязгал траками и неуклюже развернулся – на это зрелище смотрели все без исключения, – ворота начали открываться. Дождаться полного открытия я не стал – ворвавшийся внутрь ледяной

ветер принес с собой не только мороз, но и здоровенный такой кусок завывающей вьюги. Прибавив хода, я вывел тяжелую машину наружу и чуток подкорректировал маршрут так, чтобы гусеницы прошли по снежным навалам, разрушая и вдавливая их в лед. Ворота немедленно закрылись, отрезав губительной зимней стихии путь в островок жизни. Дернув рычаг, чтобы подбавить тепла и энергии в иноземный двигатель, и ощутив легкое электрическое покалывание в пальцах, я направил вездеход в обход приютившейся бункер скалы. Видимость почти нулевая – мощные фары пробивали метель не больше чем на пару метров. Сидя в кокпите медленно прогревающейся мощной машины, которой не грозило заглохнуть без топлива до тех пор, пока жив водитель, я невольно подумал о том, как в конце девятнадцатого и начале двадцатого века бесстрашные люди пытались пробиться к Северному и Южному полюсам. Пешком, с собаками, упряжками и нартами, даже с лошадьми, хороня по пути верных товарищей, погибая десятками от лютейших морозов, голода, цинги, обморожения, снежной слепоты, банального обессиливания и морального выгорания до такой степени, когда собственная жизнь казалась обузой, они рвались к некой почти эфемерной точке, чтобы водрузить на ней свой флаг и превратить эту ничтожную точку земного шара в нечто особенное... И ведь добрались.

И задумался я о давно погибших или умерших своей смертью полярниках прошлого из-за невольно проскользнувшей мысли-вопроса. Если сравнить сейчас нас и людей прошлого, то кто из нас окажется более решительным и деятельным? Мы? Или они? Как ни крути, а все мы выжили здесь благодаря пусть иным, но более чем современным технологиям. Дернул за рычаг – и вот тебе тепло и освещение. И не только они... Каждый тюремный крест снабжался регулярным питанием и постоянным притоком питьевой воды. И здесь внизу все очаги жизни существуют только благодаря продвинутым технологиям.

Но если бы пришлось выживать только за счет охоты и собираемых под снегом дров... как долго сумели бы мы выживать? И как быстро бы сдалось большинство, предпочтя быструю смерть адской жизни?

Углубиться в это более чем философское размышление не получилось. Пусть тема и показалась мне, покачивающемуся в водительском кресле и смотрящему в мутный свет за стеклом, вполне интересной, но тут я на автомате дернул за рычаг, предпочитая перестраховаться и... мои размышления были прерваны новой странноватой мыслью.

А почему не обезьяны?

Чем люди лучше? Хотя нет. Тут имеет особый вес даже не вопрос, а вполне резонное утверждение: люди ведь хуже обезьян. Так какого черта людей предпочли обезьянам?

Единственное, что требуется от любого узника – дергать за рычаги и получать за это вознаграждение. Тут много мозгов не требуется. А если судить о пригодности обезьян под требуемую цель, то для регулярного дерганья рычагов я считаю их даже слишком умными.

Взять, скажем, для начала сотню молодых шимпанзе, рассадить по клеткам с рычагами, и они быстро разберутся что и как. Затем можно расселять по крестам и брать следующих на обучение.

Так почему мы, а не обезьяны? Да и на других планетах почти наверняка в наличии найдется немало видов приматов – раз уж они есть на Земле, а все встреченные мной человеческие виды столь похожи внешне.

Обезьяны куда выгоднее для тюремщиков. Они не станут плести заговоры, не будут бояться дергать за третий орудийный рычаг, и их вполне можно посадить в каждый крест небольшой группой. Если там будет несколько фертильных особей, то вскоре в кресте родится новое поколение – и уже собственные родители обучат их великому священнодействию с рычагами. Тогда крест превратится в условно автономный мирок с собственным населением и наградной системой обеспечения питанием. Не надо никого освобождать за сорок лет. Сплошные достоинства и никаких недостатков.

Хотя стоп...

Едва подумал о достоинствах, как прорва мелких, но досадных негативных мелочей обрушилась на мой разум инопланетного изобретателя велосипеда.

Я мыслил слишком высоко и глубоко. А порой надо «поскрести» мозгом по самой поверхности и сразу получишь кучу правильных ответов.

Вряд ли те же обезьяны станут разрубать и выбрасывать мертвые тела сквозь решетку туалета.

А будут ли они по назначению пользоваться самим туалетом, не гадя при этом внутри жилой зоны?

Смогут ли шимпанзе самостоятельно оказать себе первую медицинскую помощь в случае травмы или болезни?

Что насчет ментальной стойкости в условиях замкнутого каменного мешка?

Ну и один из самых, возможно, главных резонов я озвучил вместо приветствия сразу же, как только въехавший в подсвеченные зеленым ворота вездеход остановился на площадке рядом с парой других машин. Я озвучил его, пожимая руку высокому старику в длинном меховом пальто и высокой шапке:

– Обезьян мало, а вот людей как грязи. И их пропажи никто не заметит.

Старик удивленно на меня уставился:

– Чего?

– День добрый, – улыбнулся я и радушно показал на открытую дверь салона. – Прошу. Можно начинать модернизацию.

– Я Викентий.

– Иннокентий?

– Викентий! – сердито поправил меня старик – Викентий Маралов. Старший над автомастерской и гаражом.

– Охотник, – представил и я.

– Да слышан уже, – на этот раз в его голосе звучало одобрение. – Чайку выпьешь крепкого? Только учти: он здешний до последней травинки. Я своей теории не изменю, и точка!

– И что за теория? – с искренним интересом спросил я.

– А теория проста: раз мы теперь здешние, то и потреблять должны только и только здешнее! – отрезал старик, сердито сверкнув глазами. – Организмы наши постоянно любят!

– Чай буду, – кивнул я, косясь на пугающе знакомую стеклянную клетушку у одной из стен рядом с внутренней дверью. – Офис ваш?

– Кабинет! – чеканной категоричности в голосе Викентия резко прибавилось. – Рабочий кабинет, и никак иначе. Проходи, Охотник, проходи. Нам так и так познакомиться поближе надо – раз уж вместе отправляемся.

– Хм... – я невольно остановился и покачал головой, глядя на крепкого старика. – Мы с Михаилом Даниловичем не так догова...

– А мне плевать, о чем вы, теоретики, там теоретизируете! – буркнул Викентий, даже и не подумав придержать шаг. – Вездеходы здешние тоже ломаются. Шестерни встанут посреди снежной пустыни – что делать станешь, Охотник?

– Эм...

– Починишь здешний движок? Трубу стальную наспех залатать сможешь? С проводкой жилой разберешься?

– Эм...

– Заходи. Да дверь за собой прикрой, – подытожил старик, первым входя в свой «рабочий кабинет, и точка» – Обговорим детали...

– Обговорим, – произнес я куда более мирным и тихим голосом.

За секунду до этого сказавшаяся усталость и банальный голод заставили меня вспылить. Я называл это ощущение «голодной сварливостью», когда любая, даже самая мелкая причина

становится поводом для вспыльчивой грубости. Я вовремя спохватился и сделал себе мысленный выговор. Давненько со мной такого не случалось: последний раз дней за пять до того, как я получил толчок в спину и угодил в летающую тюремную камеру. Но тогда причиной было больше похмелье, чем голод.

Стянув куртку, я поймал взглядом указующий кивок владельца помещения, повернулся к углу и... удивленно замер, пораженно хлопая глазами. Там висела напольная металлическая вешалка. Стойка, идущие кругом в два этажа металлические крюки, способные выдержать даже самую тяжелую одежду. Но меня впечатлило другое – вешалка была очень изящной и даже вычурной. А еще она блестела золотом.

– Позолоченная бронза, – усмехнулся понявший мое удивление Викентий. – Стиль Людовика какого-то. Выкована безымянным русским умельцем где-то в середине девятнадцатого века. Там внизу табличка приварена – уже позднее. Написано про девятнадцатый век и стиль.

– А здесь-то как она оказалась? – задумчиво спросил я, силясь представить себе ситуацию, в которой кто-то мог держать в руках явно тяжелую конструкцию, и его в этот момент толкают, скажем, в спину...

Стоп...

Это я вполне легко себе смог представить. Воображение тут же нарисовало какой-то музейный склад, заставленный ящиками и такими вот вешалками; человека в сером или зеленом рабочем халате, собирающегося вынести вешалку в зал или просто перенести в угол... Тут его толкают в спину, он делает единственный роковой шаг и... Дальше понятно. Да по-другому и быть не могло – разве что вместо музея вешалка стояла в квартире какого-нибудь ответственного партийного работника.

Но вот чего не мог нарисовать мой усталый разум просто никак, так это столь невероятную картину, как, скажем, восьмидесятилетний старец, отсидевший свой срок, натягивает лямки рюкзака и... хватается дорожку его сердцу тяжеленную и крайне неудобную в переноске напольную вешалку, чтобы тащить ее на себе через сугробы и торосы. Это уже бред.

– Найдена давным-давно в руинах разбившегося креста, – пояснил Викентий, и все разом встало на свои места. – Я был в той экспедиции. Нашли немало полезного для Бункера. Ну и вешалку я прихватил – в волокуше места всегда хватает. Сам видишь.

– Вижу, – кивнул я, отводя взгляд от угла с раритетом и переводя его на более чем просторный гараж.

С каждым днем это скрытое под толщей камня и льда теплое людское пристанище удивляло меня все сильнее. В гараже стояли три гусеничные и две многоколесные тяжелые машины – не считая моего вездехода. При этом моя машина была куда больше по габаритам, чем остальная техника. Выигрывал вездеход и в высоту. Заметив оценивающий взгляд, старый механик кивком подтвердил мой вывод:

– Твой помассивней будет. Эти вот, – он указал на многоколесную технику, удивившую меня тем, что колеса были пустотелыми, стальными и шипастыми, с частыми спицами внутри, – переделки явные. Я их за годы минувшие, считай, полностью перебрал вот этими самыми руками. Поэтому с уверенностью могу утверждать, что они создавались для нужд военных, но никак не исследовательских. А вот эти, – его покрытая черными пятнами рука указала на гусеничные вездеходы, что чем-то напоминали жуков-рогачей, – эти вот для снегов и морозов однозначно создавались. Системы отопления в них такие мощные, что одна такая же, демонтированная с разбитой машины, обогревает весь этот гараж.

Глянув на боковую стену, где под потолком виднелись знакомые светящиеся щели, я посмотрел на расположенный ниже рычаг. Что ж... все как везде. Дерни за рычаг – получи результат.

– Но, опять же, по сравнению с твоим – они как легковые авто супротив КраЗа, – хмыкнул старик, и его взор переместился в дальний угол, где стояло несколько здоровенных метал-

личный саней. – А вот и наши волокуши. Хотя последняя экспедиция была так давно, что уж и не вспомню, сколько лет с той поры минуло. Теперь отсюда только на охоту и мотаемся. Да и какая это охота? Наехал катком на медведя ползучего, переломал ему хребет и лапы, а потом уже добиваешь и лебедкой в волокушу тушу затягиваешь. Грех, а не охота. Да ты садись, Охотник. Садись.

– Спасибо, – поблагодарил я, опускаясь на самодельное кресло с мягкой меховой подушкой.

Откинувшись на спинку, я удивленно моргнул – очень удобно. Спинка спроектирована так, что ты не проваливаешься в нее, как в дешевое кресло, а сидишь ровно и с полной поддержкой поясницы.

Пока старый механик хлопотал с посудой, я хорошенько осмотрелся вокруг. То, как выглядит рабочее место, где долгое время трудится и, можно сказать, обитает один и тот же человек, может очень многое рассказать о нем. Конечно, при том условии, что этот человек именно трудяга, а не дерганный карьерист, начитавшийся глупых книг по самопрезентации. Карьерист работает в искусственно созданном красивом мирке с красными карандашиками в черном бокале с надписью «Ворк энд Ворк», над которым наклеена стена дипломов. Все это создано только для того, чтобы впечатлить любого посетителя или крутую шишку, что ненадолго заглянула в офис. Но стоит заглянуть в закуток, где годы и годы трудится один и тот же человек, что даже не помышляет о смене работы, и сразу поймешь о нем многое.

Вот и здесь обстановка рассказала о Викентии все важное, потратив на это всего пару минут моего времени. Стеклокамерка заставлена так плотно, что тут едва могут развернуться два человека. Но при этом все предметы размещены очень грамотно, можно сказать, подогнаны друг к другу, как детали хорошего механизма. Самодельный рабочий верстак зажат между двумя стальными шкафами, там же наполовину прикрытые масляной тряпкой тиски, хотя я не сразу догадался о предназначении этой штуковины: они явно не с Земли. В углу за задернутой серой шторой – узкая аккуратно застеленная койка. На полу у койки – целая огромная медвежья шкура в идеальном состоянии. Морды нет: у шкуры чисто практическое, а не декоративное предназначение. Дальше пустой пока «хозяйский» стул с прямой спинкой и жестким даже на вид сиденьем. Потом обеденный стол с немалым количеством закрытых ящиков, кресло, что приютило меня, а за моей спиной – длинный широкий ящик, сколоченный из идеально подогнанных темных досок. На ящике расстелена еще одна медвежья шкура поменьше, а на ней в определенном порядке лежат винтовка, кожаная закрытая сумка на широком длинном ремне, два длинных ножа в кожаных же ножнах и выглядящая вполне настоящей сабля. Ну или иная какая-то похожая разновидность оружия с изогнутым и достаточно тонким клинком. На каждой из прозрачных стеклянных стен имеются сейчас открытые шерстяные вроде как шторы. У ведущий в гараж узкой двери стояла совсем небольшая железная печурка. Труба поднималась до потолка и там, изогнувшись, уходила в стену. От печурки тянуло уютным теплом. Посвистывающий чайник только что был унесен к столу, на котором появились крайне примечательные стаканы. Я такие здесь уже видел – граненые и в железных подставниках.

В целом гараж и рабоче-жилая камерка выглядели одинаково: порядок, чистота, продуманное удобство.

– Насмотрелся? – в улыбке старика сквозило понимание. – Оценил?

– Оценил, – признал я.

– И высока оценка твоя? Тут теперь только про тебя и говорят. Человек, мол, сильный, молодой и даже не тупой.

Я рассмеялся:

– Надо же... Разошлась по Бункеру моя присказка.

– А такое не каждый день услышишь, – в ответной усмешке было куда меньше веселья. – Молодые у нас есть. Сильных среди них хватает. А вот ума нет совсем... Глянешь на них... и аж горечь к сердцу подкатывает. Жалко молодых. И на кой нарожали детишек безмозглых, прости меня Господь за слова такие...

Поморщившись, я промолчал.

– Так насколько высоко оценил гараж и каморку мою?

– Оценил высоко, – я неспешно кивнул и, помедлив, покачал головой. – Так высоко оценил, что сразу сделал пару выводов.

– И что за выводы такие?

– Первое – вы, скорей всего, человек в Бункере почти незаменимый и поэтому пользующийся в Замке определенным влиянием. При этом вы в эшелоны власти не рветесь, предпочитая оставаться на земле и выполнять важную работу.

– Ого... это все два твоих вывода?

– Нет. Второй мой вывод прост: в экспедицию вы рветесь сами, но вряд ли на это было получено одобрение из Замка. Скорей всего, вы пошли наперекор их воле. Но сделать они ничего не могут: тут ведь не тюрьма, и уйти вправе каждый.

– Хм... это откуда же такой вывод? Печка тебе моя шепнула? Или чайник просвистел?

– Нет, – рассмеялся я. – Все стало ясно, как только мы заговорили в первый раз. Не успели познакомиться, а вы тут же в категоричной форме заявили, что отправляетесь в составе экспедиции. Видимо, недавно был какой-то неприятный разговор? – я глянул в стоящее под столом мусорное ведро, где виднелся одинокий окурочек и кучка еще влажной вроде как заварки.

– Был разговорчик неприятный, – подтвердил Викентий. – Даже два, если считать короткую перепалку с Миленой.

– Работаете с ней?

– Ученица моя. И учитель. Во всем здешнем ей я помогаю разобраться. А во всем новомодном и электронном – она мне. Вот только я с трудом науку новую схватываю. Видать, мозги от возраста совсем уж заостенели, раз в компьютерах ваших разобраться не получается.

– А зачем? – удивился я и широким жестом обвел все вокруг. – Тут нужна прикладная механика. Без нее Бункер умрет. А без компьютеров – нет. Вполне себе будет жить. Но мы говорили о другом.

– Я отправляюсь с вами! – отрезал старик.

Я с сожалением развел руками:

– Нет. Не отправляетесь.

– И этот туда же! Да в Бункере и без меня хватает тех, кто способен трубу залатать и шестерню подтолкнуть!

– А есть умельцы, что в движках вездеходных лучше вашего разбираются?

– К-хм... – кашлянув, старик разлил желтоватый здешний «чай» по стаканам и придвинулся чуть ближе. – Ты пойми, Охотник... засиделся я тут. Тридцать с лишним лет безропотно тяну лямку. Сколько лет жизни мне еще осталось?

Я пожал плечами:

– Может, год. Может, еще лет двадцать. Кто знает? Но если отправитесь со мной, то назад, скорей всего, не вернетесь.

Заглянув мне в глаза, Викентий недоуменно моргнул:

– А ведь ты на самом деле так считаешь, Охотник.

– Считаю, – кивнул я. – Шансы на возвращение невелики. Я еще не видел карту с расположением других убежищ, но...

– Карту принесут, – обнадежил меня старый механик и пододвинул стакан. – Ты отведай чайку-то. Есть в нем сладость, но она не от сахара. Его тут нет ни крупинки. А вот снежный

мох, если его правильно собрать и подсушить, собственную сладость дает. Годы на это ушли, но своего я добился и чай теперь пью здешний.

Подув на напиток, я сделал небольшой глоток и удивленно хмыкнул:

– Сладковатый... не сладкий, а едва сладковатый. Но пить приятно.

– Вот видишь!

– А почему в Холле такой чаек не пьют? – поинтересовался я, и Викентий досадливо поморщился:

– А то ты сам не знаешь? Политика Замка только-только меняться начала – и лишь благодаря тебе. Расшевелил ты это сонное царство. Так касательно меня и экспедиции...

– Викентий... если вам не безразлична судьба живущих здесь людей, – медленно произнес я, – то вы останетесь в гаражном рабочем кабинете и еще годы и годы будете и дальше чинить важнейшую для выживания всего поселения технику. Я понимаю, почему вы рветесь туда, в снежные просторы... поверьте – понимаю. Я сам такой. Вот только есть те, кому можно совершать такую глупость, – и это я, и есть те, кому нельзя, – и это вы. Отправить в, возможно, безнадежный опаснейший поход опытного механика-практика, способного содержать все это хозяйство в идеальном порядке... Такой расклад событий бывает только в глуповатых фантастических боевиках. Но мы в реальной жизни. И поэтому в экспедицию отправятся пешки, но никак не крупные штучные фигуры.

– А ты, стало быть, тоже пешка?

– Я? Я скорее заноза, – рассмеялся я и протянул опустевший стакан обратно. – Можно еще чайку?

– А чего не налить хорошему человеку? – хмыкнул Викентий.

Налив мне свежую порцию, он задумчиво поглядел на мою машину сквозь стекло своей обжитой клетушки, несколько раз хмыкнул, пару раз кашлянул и... его лицо начало меняться на глазах. Подбородок чуть опустился, складки у переносицы разгладились, глаза перестали быть столь колючими, а брови разошлись. Старый механик уже не на внешнем, а на внутреннем душевном уровне прямо сейчас отказывался от своей решимости добиться от меня включения его в состав экспедиции. Другие бы продолжили хриплый спор, но этот старик все понял правильно, причем понял не то, что эту стену не прошибить, а осознал всю верность моих доводов. При этом его лицо не стало опечаленным, а вернуло, скорее всего, постоянное выражение умной деловитости и практичности. Старый механик отбросил переживания и занялся своей прямой работой. И доказал это последовавшим предложением:

– Ну, раз не я тебя, а ты меня убедил, то чего тут задницы греть в тепле? Пойдем изучать машину твою...

– А пойдем, – согласился я и приподнял стакан. – С посудой можно?

– С этой – нельзя! Тут стекло – а там сталь ледяная и перепад температур! – отрезал старик и выудил из-под стола алюминиевую кружку с обмотанной веревкой ручкой. – Переливай вот сюда и пошли. А я тебе еще кипяточка сверху плесну.

Через несколько минут мы уже стояли в освещенном и едва слышно гудящем салоне вездехода. Поток теплого воздуха стремительно вытеснял холод из машины – даже несмотря на открытую дверь. Надвинув поглубже шапку, Викентий, встав посередине, медленно поворачивался вокруг себя и задумчиво кивал, то и дело загибая очередной палец. Закончив, он поглядел на сжатый кулак, посмотрел на потолок и повернулся ко мне:

– Помимо тобой заказанного, тут еще немало чего сделать надо, Охотник.

– Например?

– Вот тут, – он отошел к стене и руками очертил небольшое совсем пространство, – вот тут встанет буржуйка. Небольшая совсем.

– Дровяная печь?

– Она самая, – кивнул Викентий. – Спорить будешь?

Подумав над его словами, я покачал головой:

– Совсем не буду.

– Значит, на самом деле умный, – старик удовлетворено кивнул. – Идем дальше. Тут ты хочешь видеть койку на таком вот уровне. Хорошо, но я ее чуть приподниму, а под ней сделаем дровник. Запас колотых полешек вместится небольшой, но при некотором везении сможете накопать валежника из-под снега. При определенном везении вообще многое сможете сделать – при условии, что есть теплое место, куда можно вернуться и отогреться.

– Да, – кивнул я. – Да...

– А ты, видимо, из тех, кто любит почитать все продвинутое да чужое, – старый механик не скрывал легкой насмешливости, ударив ладонью о стену, он добавил: – Ломается и эта техника инопланетная. Еще как ломается! Кое-какие неполадки можно устранить на месте, а кое-какие только в гараже. Все как у нас, в общем.

– Да, – повторил я. – Да...

Если мы застрянем где-нибудь у ледяной горы километрах так в двадцати от ближайшего известного нам теплого укрытия, то... ну, я дойду. Наверняка дойду даже при минус сорока. Тут в мою пользу играет и возраст, и уже неплохое знание здешних реалий. Но вот остальные участники экспедиции сгинут по дороге.

– Не молись и не почитай все здешнее как нашенское, – наставлял меня Викентий, достав из кармана старенькую советскую рулетку и споро делая замеры. – И мой тебе совет, Охотник: учись обходиться меньшим.

– Вот тут мы полностью совпали, – улыбнулся я. – Так и стараюсь жить.

– И молодец. Так... а вот сюда нам как-то надо поместить все необходимое для радиоточки, – механик замер в задней части салона, глядя то на угол, то на потолок. – Тут, пожалуй, крышу трогать не будем. Выведем провода через стену. Главное – Милену дожидаться, в этом деле она куда понятливее меня будет.

– Умна, – признал я.

– Хитра как лиса, – добавил Викентий. – Своего не упустит. И стойкая духом настолько, что любой мужик позавидует.

– Согласен, – кивнул я.

Старик прищурился с хитрецей:

– Вижу, и ты стараешься поглубже в души людские заглянуть?

– Не во все, – улыбнулся я.

– Другие-то боятся в чужое нутро нырять. Не знаешь ведь, чего там, бывает, углядишь – даже у близких людей. Вот и предпочитают скользить по поверхности... Так... а вот тут мы закрепим два стальных топора. Мы такими лед рубим, когда выходим на поиски дров. Хотя с нашими силенками колуном шибко не помашешь. Но стараемся.

– И преуспеваете полностью, – чистосердечно признал я. – Во мне необходимость есть?

– Нет. Ты иди отдыхай. Ну или совещайся там с теми, кого все же возьмешь с собой. С избранными.

– С отобранными и не ключевыми из тех, кого потерять жалко, но при этом не критично для всего Бункера, – ответил я ему в тон и потопал к выходу. – Вы к таким не относитесь, Викентий. Хотели пробиваться сквозь снега и смело гибнуть во льдах? Тогда не надо было становиться незаменимым!

– С этого дня набираю троих учеников! – рыкнул мне в спину старик.

– Правильно! – отозвался я уже от двери. – И мой непрощенный совет: ищите ученичков не только в Замке. Не хочу никого рекламировать, но в Холле немало умных и дельных людей от безделья гниет.

– А в Центре, стало быть, таких нет?

– Может, даже больше, чем в Холле, – ответил я, стоя на пороге. – Но к Центру у меня другое отношение.

– Это почему же?

– Из-за их выбора. В Бункере три зоны, и каждая с очень разными населением. Холловцы – обычные люди, жившие и продолжающие жить только сегодняшним днем. В нашем мире такие, как они, в старости оказываются на пенсии и, быть может, в собственных квартирах – где и доживают свой век, продолжая жить только днем сегодняшним. Замок же... тут у вас собрались люди, что смотрят и планируют на десятилетия вперед. Они из тех, кто будет работать до последнего вздоха – их можно сравнить с теми все не желающими уходить на заслуженную пенсию менеджерами, что и в восемьдесят лет бодр, полны силы и желания продолжать.

– Хм... А Центр?

– Они сделали свой выбор заранее, – ответил я. – Они предпочли свой путь и в конце этой дороги – дорожкой, но теплый и солнечный дом престарелых. Они отсидели сорок лет от звонка до звонка, бережно собирая денежки и лекарства, оружие и кое-какие бытовые мелочи. Преодолели последнее испытание – поход по снегу – и достигли финиша.

– А там оплатили свой дом престарелых и стали просто жить?

– Да, – кивнул я. – И работать, куда-то стремиться и выбиваться из сил они больше не хотят. У них четкий жизненный распорядок, включающие в себя регулярные приемы вкусной пищи, настольные игры и неспешные беседы в уютных комнатках. Их эпоха планирования и достижения целей закончилась.

– Ну так и чем Холл лучше Центра? Как ни крути, а там людишки поумнее собрались. И воля у них посильнее будет!

– Тем, что их внутренние механизмы перешли на холостой ход, – хмыкнул я. – Что толку в цепких мозгах и в крепкой воле, если их не используют? Да и не верю я, что у них сохранилась крепкая воля. Такие как раз в Замке собрались – в том числе перебравшись туда и из Центра. Может, даже – очень редко, но все же может, – и из Холла. Внутренняя односторонняя миграция неизбежна.

– Верно говоришь. Есть такие мигранты. А ты откуда знаешь?

– Просто логика, – отозвался я, вернувшись в салон и дернув за рычаг.

– Хм... и выходит, центровые ошибку сделали, когда решили остановиться и просто жить?

– Нет, – возразил я.

– Да тебя не понять, Охотник!

– Правление Бункера, – пояснил я. – Вот кем сделана ошибка. Они придумали определенные тепличные условия, назначили немалую цену за пожизненный к ним доступ, дали об этом весточку туда, наверх, в еще крутящиеся кельи и стали просто ждать урожая. Золотые тыковки сами начали падать в их руки. Так образовалось население Центра: люди, которым с самого начала четко и ясно пообещали, что, как только они переступят порог Бункера, делать им больше ничего и никогда не придется. Они будут на полном обеспечении. Люди поверили, пришли, проверили, дали знать еще крутящимся и ждущим своего часа друзьям и... расслабились. Так появились заслуженные пенсионеры Бункера... которые считают, что за все заплатили полностью и никто от них ничего потребовать или даже попросить не может.

Крякнув, Викентий покрутил головой и стащил с нее шапку:

– Вот зачем ты мне все это рассказал?

Я пожал плечами:

– Это просто мое мнение. И мой совет: искать себе помощников не только в Замке, но и в Холле. Конечно, если разрешат верха.

– Мне поперек пути мало кто встать решится, – отрезал старик. – Ты сейчас в Холл?

– Туда, – кивнул я.

– К вечеру и я там буду. Чай принесу.

– Несите больше, – улыбнулся я. – Там немало чаевников. А как отсюда выйти-то?

– Пойдем, провожу... Ох и заставил ты меня задуматься...

– Я случайно.

– Вот что-то не верится мне, что ты хоть что-то делаешь случайно, Охотник. Не похож ты на таких вот случайных людей.

– Я просто был откровенным и прямым, – ответил я, шагая за стариком. – Это мало кому нравится. Особенно там, на нашей родной планете. Зато пронимает до печенок и иногда даже заставляет задуматься о своем будущем и не такой уж и далекой старости... если рука не соскользнет до того, как успел задуматься.

– Соскользнет куда?

– На горлышко успокоительной пивной соски, – рассмеялся я. – А чего по пути из интересного покажете, Викентий? Могучую там техническую базу, например...

– Тут уж не обессудь, но поведу тебя боковым коридором. Хотя несколько помещений увидишь. И людишек наших тоже увидишь. Не завязывать же тебе глаза, как в фильмах...

– Не завязывайте, пожалуйста, – попросил я. – Не надо. Я любопытный.

Глава третья

Списки, сборы и прощальная речь. Начало долгого пути. Первые сложности и мрачные находки. Безумие за кокпитом. Темнота у входа в чужой дом

– В запасах еды главное – это сахар, хлеб, чайная заварка, соль, цитрамон, спички и патроны.

Эту тираду выдал седой как лунь радист абсолютно неопределяемого возраста, после чего проверил радиоточку, пересчитал для чего-то выходящие из главного корпуса провода и завалился на койку, мгновенно провалившись в сон.

Дело происходило за шесть часов до нашего отбытия, и его слова заставили меня все перепроверить заново. Надо сказать, что и без озвучивания необычного списка продовольствия, я озаботился всем, как я считал, необходимым для обеспечения нужд экспедиции. При этом нельзя было забывать о нуждах самого Бункера, поэтому я старался не наглеть, понимая, что стариковским организмам все это нужнее. Даже при обширных запасах Замка – предполагаемых, ведь на тамошних складах я не бывал, – «грабить» Бункер я не мог сразу по нескольким причинам. И одна из главных причин: если мы сгинем в дороге, то вместе с нами сгинут и все взятые с собой запасы, так никому и не пригодившись.

При этом я почти не брал в расчет вариант, где нам придется возвращаться с пустыми рюкзаками, умирая от голода и холода.

Почему?

Да потому что я не из числа сумасбродных героев, готовых идти до последнего без крайне веской причины. Грубо говоря, если у меня развалится обувь, то я не побегу по горящим углям к финишу. Я предпочту вернуться за новыми ботинками, после чего продумаю новую тактику, учту ошибки предыдущей попытки и только затем попробую еще раз. Именно поэтому в моих новеньких и еще пахнущих сваркой железных шкафах хватало свободного места, хотя они, конечно, не пустовали. По моим, уже не раз перепроверенным расчетам, мы были обеспечены всем необходимым. Но вот представившийся Касьяном Кондратовичем радист произнес свою тираду во время нашего рукопожатия, и... я вдруг решил все перепроверить и кое-что подправить. Как говорят нынче – переконфигурировать. И ведь именно слова Касьяна Кондратовича разбередили мое уже успокоившееся сердце. Сначала я не понял причину такого воздействия его слов, но пока раскручивал болты у первого НЗ-шкафчика, содержащего в себе всего понемногу, вдруг все осознал и громко рассмеялся, наполняя салон уже прогретого вездехода громким эхом.

Дело в его имени и внешности. Седые усы, длинные изогнутые бакенбарды, само лицо, голос... и даже его имя. Радист Касьян Кондратович внешне поразительно походил на изрядно постаревшего отставного капитана Кассия Колхауна из старого советского фильма «Всадник без головы» по знаменитому роману Томаса Майн Рида. Разом вспомнились слова Кассия из фильма «На нем кровь, Генри!» и последовавшие крики «Повесить его!». Я человек рациональный, действовать стараюсь взвешенно, в уже сделанном обычно полностью уверен, но... перепроверить и переосмыслить не помешает. Тем более время позволяет.

Я лично проконтролировал каждый этап модернизации вездехода и заполнения его салона всем необходимым. И я же лично проделал все расчеты. А после того как я ознакомился с представленным мне трехстраничным планом экспедиции – напечатанном на машинке и поданном в красивой серой кожаной папке с аккуратно наклеенным ярлычком «Конфиден-

циально», что меня, надо сказать, довольно сильно удивило, – я выразил решительное согласие с его целями, но не со всеми из способов достижения этих целей.

Все же силен наш «русский замах», который одним махом семерых побивахом. Я же привык все делить на куда более мелкие и, чаще всего, независимые этапы, каждый из которых сам по себе уже представлял законченную цель.

Выданный мне план, составленный кем-то достаточно мозговитым из числа обитателей Замка, предписывал нам двигаться от одного убежища к другому по прилагаемому довольно грамотному и экономному маршруту, проложенному по уже не раз проверенным в далеком прошлом торговым мрачным тропкам. В те времена, когда Бункер еще не оборвал все дипломатические и торговые нити, а принимал чужие и отправлял собственные торговые отряды, именно по этим маршрутам передвигались группки смельчаков, хотя иногда задействовались и машины. При этом в приложении к предложенному плану – да, имелось и приложение, куда я перешел по напечатанной мелким шрифтом номерной сноске, – пояснялось, что еще в недавнем прошлом нападения летающих червей были крайне редки, а сами твари были куда менее крупными. Это же касалось и медведей: хищники начали резко набирать массу в последние годы, что было сразу замечено и не только в связи с увеличившимся количеством мяса с одной туши, но и в связи с участвовавшими смертями холловских охотников.

Перечитав план и приложение дважды, я принялся его разбивать на части и дополнять. Даже вкусный торт лучше есть нарезанными кусками, а уж столь сомнительное промерзлое угощение, как опасная экспедиция в снегах, и вовсе лучше поглощать тоненькими ломтиками.

Старый план предусматривал два больших этапа, каждый из которых заканчивался возвращением в родной Бункер. Двигаясь по ломанной дуге, посетить пять бункеров – и домой. Отдохнуть пару дней – и к началу следующей совсем не радужной дуге, в чьем конце находится не закопанный горшочек с золотом, а луковиданский бункер Восьми Звезд.

В общем и целом, весь план походил на некий фэнтезийный роман, где горстка храбрых мечется от одного потенциального союзника к другому, пытаясь восстановить бывшие крепкие связи и заручиться поддержкой против главного злодея, чье логово находится в бункере Восьми Звезд. Звучит поэтично, повествование скучноватое, хотя и многообещающее, но главное – это бег на истощение и по слишком уж предсказуемому маршруту, учитывая последовательность всех точек, которые нам предстояло соединить пробитыми в снегах и льдах линиями маршрута.

Вооружившись толстым огрызком химического карандаша, я внес новые пункты, начертил с десяток жирных и не очень стрелок, кое-что зачеркнул, добавил пару пояснений, после чего вложил листы обратно в папку, зачеркнул надпись «Конфиденциально», написал «Секретно!» и вернул хромающему гонцу, что все это время с интересом наблюдал за моими действиями, потягивая несладкий чай из смеси здешних трав и уже использованной пару раз земной заварки.

Вскоре из Замка пришел ответ, что мой переделанный план принят. Но другого ответа я и не ждал – учитывая, что я самоназначенный лидер экспедиции и в путь мы отправляемся на моем вездеходе.

Главные изменения в плане заключались в дроблении задач и коренном изменении теперь абсолютно непредсказуемого маршрута. Прежние составители делали упор на экономию ресурсов и времени, поэтому мы должны были двигаться к ближайшему от нас убежищу, а от него – к следующему наиболее близко расположенному. Это делало нас уязвимыми для всех потенциальных недоброжелателей, обладающих радиосвязью, техникой и возможностью сделать засаду.

Я боялся не зверей. Я боялся людей. И луковиданцев.

По моему плану мы посетим бункер Старого Капитана, следом заглянем в убежище Вольных Птиц и сразу же вернемся домой. Это весь первый этап, на который, по моим расчетам,

не должно уйти больше двух суток, если двигаться между точками назначения постоянно и не задерживаться в гостях надолго. Второй этап – еще два бункера строго по прямой и... резкий поворот и столь же резкое движение напрямик к бункеру Восьми Звезд. Никаких дуг и эллипсов мы чертить не станем – равно как и других предсказуемых фигур. И тянуть с посещением главного «подозреваемого» тоже не будем.

Исходя из этой тактики я и составлял перечень необходимого для каждого этапа. Само собой, я учитывал возможные форсмажорные ситуации и укладывал все с запасом. Но набивать вездеход битком оружием, медикаментами и продовольствием, чтобы внезапно погибнуть и лишиться Бункер всего этого, я не собирался.

Но теперь, после слов Касьяна Кондратовича, я все перепроверил и решил добавить всего по чуть-чуть. Еще два пакета снежного «салата», еще по десять патронов к каждой единице нашего оружия, еще полбlistера аспирина, три таблетки драгоценного фуразалидола, две ибупрофена, пара тканевых бинтов, замотанный в полиэтилен коробок с пятнадцатью спичками, два дополнительных ножа...

Все затребованное мне приносили из новой возведенной у стены примечательной пристройки, разделенной на четыре отдельные комнаты. Я назвал это вытянутое здание без крыши «Лабазом Антипия» – в память об умершем опытном охотнике-медвежатнике и потому, что оно было построено в том числе из всего, что было получено от разборки «небесной» хижины. Да... Хижины под потолком больше не было. Все было стариками и мной разобрано, бережно опущено на веревках вниз и сразу пущено в дело.

Пока модернизировали мой вездеход в гараже Замка, в Холле тоже без дела не сидели. Пристройка еще не закончена, хотя крыша ей и не нужна. Осталось доделать еще пару комнат, а затем можно подумать о внутренней отделке – если захочется. Одна из четырех комнат, ближайшая к воротам и монастырю, теперь мое новое жилище. Комната всего три на четыре, стены скорее жердяные и занавешены уже облезлыми медвежьими шкурами, но для уединения этого достаточно, а внутрь перекочевала вся обстановка Антипия. Следующие три комнаты – склады. Два из них холловские, куда уже ответственные начали стаскивать из темных углов и не менее темных закровов всякое. Третий склад – экспедиционный.

Дело в том, что Замок сразу выделил мне все необходимое для экспедиции, и его оказалось с избытком, но я и не подумал возвращать излишки обратно. Пусть хранятся здесь – всегда под рукой. Перед пристройкой встало несколько столов и лавок, где теперь и проводятся все наши заседания – подальше от центральной зоны.

Закончив с перепроверкой и пополнением запасов, я дернул за рычаг на приборной доске и покинул вездеход, оставив радиста спать на скамье.

Нас четверо.

Я.

Радист Касьян Кондратович. Он единственный из Замка. Я о нем пока ничего не знаю.

Получивший азы знаний по местной технике и имеющий собственную земную базу знаний автомеханик и умелый повар Сергей Блат. Мрачноват, молчалив, но при этом спокоен и, как он сам сказал, «не слишком трясется за свою жизнь».

И бывший экспедитор, улыбчивый Филимон с длинной седой бородой, чем-то похожий на каноничного Сусанина, готовый трудиться разнорабочим и еще сохранивший немало физической силы и выносливости. Он и сейчас высок и широкоплеч – а в прошлом, по его словам, зело сильно увлекался гиревым спортом и походами. Хорошее сочетание, что становится только лучше от его веселого нрава.

Машина полностью готова и стоит кокпитом к пока закрытым вратам Холла. Я загнал ее сюда несколько часов назад – и сделал это специально, собираясь отбыть в экспедицию именно отсюда. Не из привилегированного Замка, а из почти трупобного безысходного Холла. Впрочем, сейчас ситуация кардинально изменилась. Постоянно работает радио – не только музыка,

но и радиопереговоры с другими убежищами. Теперь здесь всегда тепло и чисто, пахнет вкусной едой, много яркого света, работает ларек, а люди за столами больше не горбятся мрачными изгоями, а заняты чтением старых книг, газет и журналов, а многие поглощены вязанием теплых вещей из медвежьей шерсти – с помощью новеньких спиц, крючков и прочих нехитрых устройств. У людей появился не только смысл существования, к ним еще вернулась и толика собственной значимости. И почти торжественное отбытие тяжелого вездехода именно из Холла позволит им приподнять свою самооценку еще чуть выше.

До отбытия всего ничего. Но я еще успею съесть тарелку жирного мясного супа и пообщаться со «своими» холловскими стариками. А затем можно и в путь...

Прощальная речь.

Те самые слова, которых я всю жизнь избегал. Куда бы ты не шел, уходить надо спокойно, по возможности быстро и быть немногословным. Этому правилу я следовал всегда – даже в тот день, когда оказались резко разорваны мои самые долгие и, как я считал, самые важные личные отношения.

Но в этом случае так поступить нельзя: есть шанс никогда не вернуться. А я понимал, что, по крайней мере сейчас, являюсь тем плутониевым стержнем, который за прошедшие дни разогрел это стылое болото. Но пришедшие со мной изменения и потрясения вместе со мной и уйдут – люди еще не привыкли действовать без внешнего раздражителя. И поэтому все вернется на тоскливые круги своя. Поэтому надо сказать хотя бы несколько греющих старые души фраз, но при этом не врать и даже в самой малости не кривить душой...

Никакого пиршества не планировалось – хлопотно и затратно это, – но даже без всяких угощений рядом с нами собралось не меньше пары сотен стариков. Их лица говорили о многом. Кто-то старательно улыбался, кто-то не мог скрыть душасающего слезливого волнения, другие уже открыто плакали, а кто-то просто, но очень выразительно молчал. Слишком много волнений для стариковских тел и душ, и они продолжали нагнетать это давление. Коротко переговорив с лидером Замка – а он на редкость умело затерялся в общей толпе и никак себя специально не выделял, – я поднялся по откиннутому трапу вездехода, развернулся и с этой импровизированной трибуны заговорил, скользя взглядом по обращенным ко мне лицам.

– Мы все одинаковые. Раз мы оказались здесь, раз именно нас выбрали те охотники за будущими сидельцами, а они отбирали людей по особым признакам, значит, мы все тут одинаковые и особенные. Мы стойкие, деловитые и практичные люди. Да, нас по-разному трепала жизнь, но как ни крути – мы выстояли под ударами судьбы. И продолжаем стоять. Продолжаем жить. На самом деле, если говорить от всей души – вы куда круче меня. Я во всем уступаю вам. Хотя бы потому, что вы испытали на себе сорок лет одиночной отсидки, отбыв весь срок от звонка до звонка. А мне повезло, и я выбрался гораздо раньше.

– Да где ж повезло то? – возразил кто-то из толпы. – Ты выцарапал себе свободу, Охотник!

– Во многом мне просто повезло, – не согласился я. – Мой успех в побеге сложился не только из-за личного упорства, но и благодаря найденному богатому тайнику, что достался мне в наследство. Мне повезло встретиться с очень умными и дружелюбно настроенными неунывающими стариками там, наверху. Я многому от них научился – от таких, как вы все. А то, что я выбрался раньше вас – мне, опять же, повезло оказаться в кресте особой «горбатой» модели с уцелевшим управлением. Проломить кирпичную стену может каждый – уверен, что вы тоже пытались и, может, даже пробили дыры различных размеров. Но за вашими стенами не было шанса на свободу, и вы временно отступили – и продолжили жить, готовясь к приземлению и началу новой уже свободной жизни. Каждый из вас, несмотря на минувшие годы и подступившую старость, сумел преодолеть километры по заснеженной морозной пустоши и добраться сюда – в убежище. В наш новый дом. Именно поэтому я так смело говорю: мы все одинаковые.

Стойкие, крепкие и даже упертые люди. Знаю, что по всему Холлу уже широко расплзлась эта присказка про меня: «потому что молодой, сильный и даже не тупой».

Дождавшись кивков и улыбок, я продолжил:

– Эта поговорка про каждого из нас. Про каждого, кто угодил сюда против своей воли. Мы никогда не сдавались. Мы сумели приспособиться, прижиться и преодолеть все возникшие трудности. И мы продолжаем преодолевать, приспособливаться и выживать. Доказательством этого служит даже ваш возраст. Скольким из вас уже далеко за семьдесят? Большинству? А кому уже хорошо за восемьдесят или даже за девяносто? И вы продолжаете жить. Продолжаете ждать следующий день. Мы все здесь молодые, сильные и даже не тупые. Никакая внешняя угроза не задавит нас. Но нас может поглотить серая липкая масса рутинности и безысходности. Неважно, вернемся мы из этой экспедиции или нет – жизнь продолжится и без нас. Вы всегда справлялись самостоятельно – справитесь и сейчас. Не забывайте об этом, друзья. И не создавайте себе кумиров. Не надейтесь ни на кого, кроме себя. Даже на бога – уж простите за эти слова, Тихон, – я взглянул на внимательно слушающего настоятеля. – Не полагайтесь во всем на молодого Охотника. Не надейтесь на правление Бункера. Почему? Да потому, что вы всегда справлялись со всем сами. Потому, что вы свободные независимые люди. Потому, что каждый из вас уже победил сорокалетнюю тоску одиночного заключения, каждый из вас пробился сюда через злую пургу и каждый из вас был встречен приветственными криками «Свободен! Свободен! Свободен!». Помните об этом всегда.

Помолчав, я широко улыбнулся замершим людям:

– И нечего нас как на смерть провожать. Вот как бы и все, что я хотел вам сегодня сказать.

Подняв руку, я жестом попрощался с продолжающим молчать населением Бункера и вошел в салон, где меня уже ждали остальные. Понятливый Сергей дернул за рычаг, и трап начал подниматься, отсекая нас от большого зала. Опустившись в водительское кресло, я с шумом выдохнул, глянул на успокаивающе светящиеся экраны, опустил ноги на педали, а руки на рычаги управления. Легкий нажим, и гусеничная машина с лязгом тяжело тронулась с места, двинувшись к огромным и уже начавшим раздвигаться воротам. Еще через минуту вездеход миновал порог и оказался в резко густеющем снежном сумраке, в то время как проем света за нашими спинами быстро сужался.

Оглянувшись на молча сидящих на своих местах членов экипажа, я задумчиво хмыкнул и опять повернулся к обзорным стеклам кокпита. Навстречу медленно плыли высокие сугробы, а за ними вырисовывались очертания высоких холмов.

Экспедиция началась...

Как бы ее назвать? «Первая Арктическая»? Так тут не Арктика. И не полюс. Да и вряд ли она первая: ведь и до меня уже, как оказалось, подобные машины путешествовали по снежной пустоши, стремясь установить зыбкие связи между очагами жизни. Да и для меня самого это уже не первое путешествие.

Так что просто Экспедиция.

* * *

– Ты вот, Охотник, красивые там слова говорил перед отбытием.

Я почему-то и не сомневался, что повисшую в салоне пробирающегося сквозь снежную целину вездехода нарушит именно Сергей Блат. До этого балагурил Филимон, но и он выдохся к концу четвертого часа и о чем-то крепко задумался, неспешно грызя полоску копченого мяса. А радист Касьян как забрался во внутренности прихваченного им с собой стального корпуса какого-то устройства, так и потерялся там, осторожно вынимая деталь за деталью. Ему было хорошо: холловский человек наконец-то дорвался до любимого дела. Как я понял, все им выуженное будет рассортировано и изучено на предмет подходящих запчастей для нашей

радиорубки, как он ее начал называть. Сам корпус ему посоветовала не скрывающая легкой зависти Милена, которая попросилась с нами лишь раз и тут же получила отказ – вполне ею ожидаемый, судя по лицу.

– Говорил, – признал я очевидный факт и немного сбавил ход, ведя накренившийся вездеход по склону холма мимо колышущейся на снегу огромной стаи снежных червей.

– Как я понимаю, ради поднятия духа оставшихся такие красивые слова ты говорил. Ну, чтобы не поникли они, коли мы больше не вернемся назад.

– Конечно.

– Но сам ты в эти слова не веришь. Так?

– Я бы не стал врать, – возразил я. – Зачем? Среди стариков встречается немало наивных и верящих чему угодно, но в достатке и куда более проницательных да мудрых. И они быстро растолкуют всю кривду остальным. Поэтому врать просто глупо.

– Однако не сходится.

– Что именно не сходится?

– Ну вот ты сказал, что мы все одинаковые. Верно?

– Верно, – подтвердил я.

– Но мы даже разговариваем иначе! И ведешь ты себя совсем по-другому. Как и та девица обезножевшая. Она тоже как не от мира сего. Мы другие! И вы другие! Как это объяснишь?

– Да легко, – ответил я. – Вы из другого поколения. Ты когда был рожден, Сергей?

– В сорок шестом.

– А сюда когда попал?

– В семьдесят втором.

– Вот тебе и ответ. Ты жил совсем в других реалиях. Ты такой же, как и я, Сергей. Человек деятельный. И цепляющийся за жизнь. Мы одинаковы... но не похожи.

– Сам против себя говоришь! Как его... против... что?

– Противоречие, – этот голос подал очнувшийся от раздумий Филимон. – Нет тут никаких противоречий, Сережа. Все просто. Ты – человек времен великихстроек и дружного похода к светлому общему будущему. А Охотник... он человек времен бурных потопов и гремучих водопадов. Его юность пришлась на времена после распада великой страны... Я вот многое об этом слышал, но даже представить себе не могу... Как ни крути, Сережа, а новые поколения совсем другими будут. Я вот так прикидываю, что еще лет десять-пятнадцать – и в Бункер повалят те, кто угодили в тюремный крест в девяностых годах. Если доживем – то будет на что подивиться. Охотника и в планах не было, когда мы сюда угодили, но ведь он в Бункер еще молодым добрался. А теперь представь, какое изумление-то испытаем, когда в бункер войдет первый седой старик, рожденный, скажем, в восьмидесятом... Мы уходили – они еще даже не родились. И вот они, уже седые и прожившие свои лучшие годы, стоят на пороге и подслеповато шуряют в свете ламп... И выглядеть будем почти одинаково – хотя между нами пропасть лет...

– Да куды тебя понесло, Филя? – досадливо бросил Сергей. – Сам себя хоть слышишь? О чем вообще бормочешь? Какая разница, в каком году или веке ты был рожден, если вся жизнь в одиночной отсидке прошла? Какая разница, как ты выглядишь, если тебе за восемьдесят?

– Я про то, что они вот тоже стариками будут – но совсем другими там, внутри. Не такими, как мы.

– Чушь городишь! Пусть хоть в другом веке, в другой стране или даже на другой планете рожденный – а все одно тюремный крест и сорок лет отсидки всех одинаковыми сделают! Этот пресс всех отштампуем единой формой!

– Да я...

– И сколько же это лет ты еще жить и воздух портить собираешься? – проворчал уже успокаивающийся Сергей. – Нам всем давно пора на кладбище! Я вот там был недавно – при-

кидывал, где бы хотел лежать, чтобы настоятеля попросить заранее. Хотя он постарше меня будет, и еще неясно, кому кого хоронить придется.

– Торопиться с выбором могилы не будем, – рассмеялся я. – От смерти не уйти никому, но бежать ей навстречу не стоит.

– А ты вот как думаешь, Охотник? – спросил Сергей. – Разве сорокалетний срок всех нас под одну гребенку не причесывает? Хотя тебе, молодому, откуда знать... А я вот знаю! Знаю! Мы все становимся ничего не хотящими престарелыми овощами... Всех нас подравняло и причесало без всякой жалости... жизнь отдали ни за что! М-мать их!

С трудом удержавшись от явно матерного продолжения монолога, Сергей тяжело вздохнул и медленно разжал сжавшиеся кулаки.

– Не причесывает, – уверенно ответил я, глядя в вечную ночь за стеклом кокпита. – Пусть я еще не так стар, но пообщаться успел со многими. Несправедливые десятилетия заперти надламывают многих. Да, эти годы порой делают узников безразличными и ничего не хотящими... но это что-то вроде закаменевшего слоя из спрессованной за сорок лет корки страха, злости, обиды, невозможности выместить праведную ярость хоть на ком-нибудь. Человек переживает год за годом в одиночестве невероятный по силе стресс – включая ежедневный страх смерти от удара Столпа, не говоря уже о его шепоте... На протяжении сорока лет каждый из заключенных находится между молотом и наковальней: Столп или поломка креста грозят смертью, а внутри головы не утихает бешеная грызня эмоций... Тут тяжело не спать...

– И таких умалишенных хватает! – заверил меня радист. – К нам давно не забредали такие вот горячечные: скорей всего, они просто блуждают там, в снежных потемках, не в силах понять куда идти. А чтобы все три рычага дергать много мозгов не надо...

– Но большинство остается в здравом уме, – возразил я. – На протяжении всего невероятно долгого тюремного заключения. И это главное доказательство того, что я не соврал ни в едином слове в той своей короткой речи. Хотя нет... я все же соврал. Мы, конечно, не одинаковы.

Сергей торжествующе вскинул голову:

– А я говорил! Ты...

– Вы лучше! – перебил я его. – Хотя бы потому, что прошли через такое, о чем я без страха и подумать не могу. Знаете, чего я боялся больше всего, когда оказался там, на снегу, после аварийной посадки?

– Смерти от холода? – предположил Филя.

– Заблудиться?

– Хищных тварей?

Выслушав все предположения, я покачал головой и ответил:

– Я до жути боялся, что сейчас рядом возникнет тот самый тихий улыбчивый мужичок и снова толкнет меня в спину или плечо. А потом – раз... – и я опять внутри уже другого и пока еще замороженного тюремного креста, где меня снова ждут три рычага и тридцать девять с чем-то лет тюремного срока... Вот чего я боялся до жути! А вы через этот мой самый главный страх уже прошли. Победно завершили то, о чем я без ужаса подумать не могу. Так что мы не одинаковы. Нет. Вы во всем круче и лучше меня. А то, что я вот так внешне легко и часто выхожу наружу, притаскиваю мясо, дрова и всякие там иноземные диковинки... это не потому, что я особенный. Просто я пока молодой, сильный и даже не тупой. Вот и вся моя особенность. Будь вы в моем возрасте – также ходили бы с рогатиной на медведей... и вы сами это знаете. А весь этот ваш разговор о том, врал я или нет... как по мне, это просто тоска по ушедшей молодости.

– Ушедшей впустую! В никуда! – глухо ответил Сергей.

Помолчав, он добавил уже другим тоном:

– Спасибо тебе, Охотник.

– Убедил? – улыбнулся я ему, повернувшись в кресле назад.

– Гладко ты стелешь, этого не отнять. Умеешь правильные слова подобрать...

Я покачал головой:

– Не всегда. Правда – штука такая, что иногда порадует, иногда разозлит, а порой заставит рыдать навзрыд. Так что словами своими людей я далеко не всегда радую. И еще... я бы никогда не стал кривить душой перед обычными стариками. Хотя бы потому, что такими вот тихими житейскими мудрецами я сам выращен и воспитан. Еще я не терплю, когда кто-то проявляет к пожилым людям непонятную мне снисходительность или пытается с ними сюсюкать, как с детьми или недоразвитыми. Не терплю, если какая-нибудь тварь пытается насмешками поторопить размеренно отсчитывающую драгоценные монетки пенсионерку на кассе магазина, не понимая, что старушка не под тормаживает, а просто живет в своем куда более неспешном мире, судорожно пытаясь остаться самостоятельной. Независимо от возраста, я отношусь к вам, как к равным. А порой как к наставникам.

– А еще кормишь и поишь нас, рискуя своей жизнью.

– Ну кому, как не молодым, бегать за пивом со стеклянной трехлитровой банкой, верно? – рассмеялся я и, посерьезнев, добавил: – Все куда проще. Как я и сказал – чтобы с нами ни случилось в этом пути, тем, кто остался в Бункере, придется решать все проблемы самостоятельно. И я уверен, что эти дела им по плечу. Я ответил на твой вопрос, Сергей?

– Ответил, – произнес он и отвернулся. – Спасибо тебе, Охотник.

– Да было бы за что.

– А имя-то твое как настоящее?

– Охотник, – улыбнулся я. – Раньше звали Гниловозом.

– А до этого? Там – дома?

– Уже и не помню. Но вроде как тихим алкашом называли... вроде как... давно это уж было. Филя... а чего ты морщишься? Я же вижу.

– Да шум этот клятый...

Я понимающе кивнул:

– Шепот?

– Он самый. Там, дома, его и не слышно почти. А тут прямо вгрызается в уши...

– А включите музыку, – предложил я. – Получится ведь, Касьян?

– Я уж думал – никто и не спросит, – оживился тот, откладывая отвертку и тянясь к тумблерам. – Сейчас все будет. И да, напоминаю: через полчаса у нас первый сеанс связи. Надо будет взобраться куда-нибудь повыше.

– Взберемся, – кивнул я. – Чего-чего, а холмов тут хватает...

Из динамиков послышались торжественные и довольно уверенные слова:

Сквозь расстоянья и года размеренно и строго,
Идут по БАМу поезда, работает дорога.
И до серебряных седин
Мы беззаботно жить не сможем...

Одной из наших задач была роль мобильного ретранслятора. И я считал эту задачу одной из самых важных. Бункер слишком долго был немым и глухим. И пусть наш вернувшийся голос пока еще был слишком уж слаб – что-то там не все у них ладилось, – то вот уши нам требовалось наострить прямо сейчас.

Подняв уверенно идущую машину, что все больше влюбляла меня в себя своей ходкостью, четкостью и управляемостью, по пологому склону, я покрутился на вершине, выравнивая площадку и заодно осматриваясь в свете фар. При этом мы выдавали себя, но тут поделаться было нечего: я не буду тем дураком, что проглядел затаившегося рядом с дверью матерого мед-

ведя. А первым выходить именно мне – правда, через новый потолочный люк, расположенный аккуратно рядом с основанием раскладной антенны.

Потушив фары, я закрыл стекла светящегося кокпита специально прилаженными глухими шторами – совет механика Викентия, – и еще минут десять мы просто сидели, допивая настоявшийся чай из старого термоса. Допив, я снарядился, не забыв о защитном козырьке, и по наваренным скобам поднялся к потолку, где разблокировал люк. Не без труда подняв тяжеленную крышку, я выставил фонарик и коротко огляделся. Крыша оказалась чиста, и вскоре я уже отбивал с механизма лед, а затем с хрустом крутил рукоять, сначала поднимая, а затем раскладывая секции антенны. При этом я не забывал постоянно вертеть головой по сторонам. Вряд ли сюда сможет забраться здешний медведь – учитывая особенности его телосложения, – но не стоит забывать про летающих тварей и родичей светящегося Ахава Гарпунера. Закончив дело, я поспешно захлопнул люк и облегченно выдохнул, ощутив на заболевшей от мороза коже теплый поток вентиляции. По возвращении надо будет поговорить со старым автомехаником Замка: пусть установит над потолочным люком высокую клетку с распашной дверью. Кажется, такие клетки называют акульми...

Пока я стряхивал с одежды снег, радист уже приступил к сеансу связи, буквально прильнув к аппаратуре. Остальные старики присели неподалеку, стараясь не показывать охватившего их волнения. Я понимал их чувства – возможно, впервые за последние сорок с лишним лет они были причастны к действительно важному делу. Важному не только для них лично, но и для всего нашего сообщества. Удивительно, но сквозь, казалось бы, навсегда налипшие на их черты обвисшие маски из старой морщинистой плоти проступили лица совсем другие: молодые, волевые, собранные, решительные и с горящими глазами. Именно так в старые советские времена изображали на стенах зданий и метро горящих своим трудом рабочих.

Посидев немного на боковой лавке, я поглядел на холодную и пока только раз разожженную для теста бортовую печку, и поднялся, потянувшись к рюкзаку и винтовке. Поймав вопрошительные взгляды, с успокаивающей усмешкой пояснил:

– Короткая разведка. От вездехода отойду не дальше чем шагов на десять.

Так и вышло. Я провел на морозе почти час, хорошо обследовав склоны холма и избегая пользоваться имеющимся фонарем: потустороннего света колоссального Столпа мне уже вполне хватало. Мне удалось отыскать пару охапок промороженного валежника, а еще одну целую лыжу и пластиковую бутылку из-под газированного напитка. Поразительно... земной мусор добрался даже сюда – на иную планету. Впрочем, никакого стыда или сожаления я не испытывал: мы сюда не просились. Но бутылку я прихватил с собой. Вернувшись внутрь машины, сбросил валежник у печи, и все правильно понявший бородатый Филимон тут же поднялся со своей койки.

– Что бывает лучше крепко заваренного чайка на живом-то огне? – пробормотал он, присаживаясь у буржуйки. – Опять же, огня потрескивание ничто заменить не может. Хотя про крепко заваренный чаек я загнул, конечно...

– Пусть будет прямо вот крепко заваренный, – улыбнулся я, перчаткой стирая с пластиковой бутылки остатки снега.

Внимательно рассмотрев находку, я задумчиво хмыкнул.

Год две тысячи семнадцатый. Самой этикетки нет, равно как и пробки. Осталась только отпечатанная краской дата. Небольшая загадка, подброшенная снежной пустошью. Наиболее вероятный вариант: совсем недавно попавший сюда узник выбросил бутылку в туалетную дыру летающей камеры, а штормовой не утихающий ветер принес ее сюда и уронил в снег, где она и застряла в торосах. Ага... хотя поступок глуповатый...

И вроде как поглощенный разжиганием огня Филимон уже успел встать, посмотреть на место, где был прижат мой палец и, почесав седой затылок, пробормотал:

– Кто ж такую справную тару выбросил? Ценность великая... Мне помнится, в наследство стеклянная баночка из-под майонеза «Провансаль» досталась, так я ее берег как мог. Вместо стакана мне была.

Я пожал плечами и отдал бутылку ему:

– Да, может, и выбросил сдуру. Обычная пластиковая бутылка, какими завалены мусорки современного мира. И не только они. Так что на выброс подобная тара у всех давно идет автоматически. Времена другие сейчас, Филимон.

– Не экономящие вы, – посетовал старик, отставляя бутылку на столик. – В наше время каждый гнутый гвоздь берегли. Помню, меня отец заставлял их выпрямлять. Он тогда летнюю кухню в одиночку поднимал, хоть и однорукий после войны, а я у него на побегушках был. То принеси, это подай. А в свободное время гвозди прямил. Я все себе молотком по пальцам попадал и жаловался: зачем, мол, ты меня заставляешь ржавые гвозди прямить? А отец мне и говорит: выбросить вещь каждый дурак может, а вот в хозяйстве ее приспособить и копейку лишнюю сберечь дано не каждому.

– Мудрые слова, – кивнул я. – Но в те времена и гвозди иными были, наверное. В наше время все иное.

– Это какое же?

– Одноразовое, – ответил я, шагая к рычагу. – Одноразовая посуда и другая тара, личные отношения... Все одноразовое и после использования выбрасывается без сожаления. Ну что там, Касьян Кондратович?

Я и сам слышал пробивающиеся сквозь помехи голоса, но хотел узнать мнение нашего специалиста. Радист повернулся и с улыбкой показал большой палец:

– Дотянулись мы до них! Бункер имени Ильича вышел на связь! Радуются встрече в эфире, вопросами сыплют с обеих сторон. И еще третий кто-то пытается докричаться, но до него мы не дотягиваемся.

– Обалдеть, – хмыкнул я. – Красиво назвали... красиво...

– А как же! О! А ты ведь, может, даже и не слышал о них? – вопрос задал оживший Сергей Блат, протягивая Филимону тряпичный мешок с чайной смесью.

– О ком?

– О продолжателях светлой идеи социализма, коммунизма и марксизма, – кривовато усмехнулся Сергей, и я заподозрил, что у него самого с этой канувшей в лету идеологией в свое время были не самые хорошие отношения.

Я не сразу задумался над его словами или вернее просто даже не понял их смысла, но затем удивленно повернулся к нашему штатному механику:

– Серьезно?

– Еще как! – ответил за него Кондрат. – А ты как думал?

На меня глянули три пары недоуменных глаз, и я невольно развел руками:

– Да как-то... я ведь был совсем маленьким, когда рухнул СССР. Лишь помню, что читал какие-то рассказы про Октябрьскую революцию... Но для меня это было просто занимательное чтиво и то от скуки: кончились на самом деле интересные книги в бабушкином книжном шкафу, и читать пришлось все подряд. Ленин, помню, в одном из рассказов лепил из хлебного мякиша чернильницу, наливал в нее молоко... Хотя вряд ли это правда.

– Правда! – заявил Филимон и тут же стушевался под презрительным взглядом Сергея Блата, «додавившего» его эти взглядом и затем добившего окончательно уверенным:

– Вранье!

– А ты там был, что ли?!

– Да какая разница? – спросил я, прерывая начинающуюся ссору в зародыше. – Та эпоха в уже реально далеком прошлом и вряд ли когда-нибудь вернется.

– Там у вас – может, и в далеком прошлом, – скрипуче произнес Филимон, сидящий у разгорающейся печи и не сводящий глаз с танцующих язычков огня. – А у нас нет... Ты пойми, Охотник – сюда попало немало настоящих коммунистов. Тех самых – негнибаемых. Слышал я краем уха сплетни о тайном бункере СССР и о том, что путь в него лежит через убежище Братства Народов. И что, мол, чтобы туда попасть, надо быть коммунистом не менее десяти лет, и чтоб все членские взносы были уплачены!

– Бред! – вырвалось у меня.

Я был в полном изумлении.

Серьезно?

– Партийный билет? – спросил я. – Да откуда он... стоп... неужели...

– Уже здесь и выдавали уполномоченные лица, – Филимон указал пальцем в потолок. – Там. Во время чалок. Сначала надо было получить хотя бы две письменные рекомендации от членов КПСС...

– КПСС, – повторил я. – Обалдеть...

– Ну так! Коммунистическая Партия Союза у Столпа! И вот как получишь рекомендации, тогда уже допустят до экзаменов. Если пройдешь – получишь билет кандидата и начнешь платить взносы...

– Бред! – повторил я и задумался. – Хотя... подобная затея может здорово отвлечь от самых темных мыслей о будущем. Надо же чем-то занять голову на протяжении сорока лет тюремной отсидки...

– А ее по их уставу – отсидку-то! – подавали как великое испытание духа и закалку характера! – добавил Сергей. – Придурки!

– Но-но! – Филимон с негодованием уставился на Сергея. – Ты это, того!

– «Того» что?!

– Не замай! Не по нраву – так не трогай, а хаять не смей!

– А почему я тогда об этом не слышал? – спросил я, снова прерывая ссору.

И снова ответил Касьян Кондратович:

– А потому, что и сюда весть пришла горькая в начале ваших девяностых. Сначала тут никто не поверил, конечно. Но новеньких становилось все больше, и все они твердили одно и то же: рухнула, мол, великая страна. Говорят, многие из узников себя порешили, когда в новость эту уверовали. Пришедшие в их крест находили их повешенными там или с венами вскрытыми. А на столе кирпичном записка, придавленная рукописным партийным билетом: так, мол, и так, в связи с гибелью величайшей страны не считаю для себя возможным продолжать жить... Ты пойми, Охотник... для многих это прямо серьезно было. Я вот не из идейных и никогда таким не был. Но понять могу...

– Ну да, – вздохнул я и поднялся. – Вернусь через полчаса. Сделаю круг, огляжусь, соберу еще чуть валежника: нашел там стволлик неплохой и попробую целиком дотащить.

– А я порублю! – с готовностью вызвался Филимон, и я кивнул:

– Конечно.

– А я попробую пару ложек вырезать, – предложил Сергей Блат, и я снова кивнул, берясь за скобу двери.

Ложки нам не требовались. Но если создание ложек подразумевало задумчивую занятость, то я только за. Это куда лучше, чем сидеть без дела в стальной коробке идущего в снегах вездехода и вслушиваться в завывание снежной бури, смешанное с безостановочным шепотом Столпа...

Через час с небольшим я опустил колонну с антенной, задраил люк и, не включая на этот раз фары, пустил машину вниз по склону, уходя в смутно виднеющееся впереди ущелье. В один из моментов вездеход едва заметно качнуло, и я, не оборачиваясь, успокаивающе махнул рукой сидящим позади. Ничего, мол, страшного. На самом деле левый трак прошелся по

голове привставшего из снега действительно огромного снежного медведя. А судя по оставленной им борозде, чудовищный переросток двигался к только что покинутой нами вершине холма. И глядя в бросающуюся в стекло черноту окружающего ледяного мира, я вновь и вновь напоминал себе, что он, несмотря на кажущуюся мертвой снежную безмолвность, полон до краев чуждой нам хищной жизнью. И об этом нельзя забывать ни на секунду...

* * *

Бункер Старого Капитана не вышел на связь. С помощью поднятой антенны и занятой позиции на вершине высокого холма, мы установили связь с еще двумя человеческими убежищами, находящимися примерно в тридцати и сорока километрах от нашего текущего положения. До них дотянулись. А вот до Старого Капитана, спрятавшегося под льдом и снегом всего в десятке километров с помощью радиоволн достучаться не удалось. Придется постучать напрямую – прямо кулаком и прямо по двери.

Пока я осторожно вел тяжелую машину сквозь усилившуюся метель, изредка делая глотки горьковатого травяного отвара, усевшийся рядом Филимон уже в четвертый раз по моей просьбе читал вслух убористое содержимое достаточно большого листа бумаги, полученного от Замка. Сначала мне хотели дать лишь выдержку самого важного, но я с максимально доступной мне убедительностью попросил не решать за меня что там важно, а что нет, и буквально потребовал предоставить мне полную копию. Требование было удовлетворено – наверное. Кто знает, что они не включили в мою копию. Но сейчас мои мысли были заняты другим...

Это же надо...

Копия из старых обширных архивов! Каково, а?!

Чтоб вас! В душе невольно поднялась волна горячей злости. Ведь все было! Имелись все возможности! А они ушли в самоизоляции... То же самое, что самим себе подрезать подколенные сухожилия. Немыслимо! Но правление Замка пошло именно этим путем...

Когда я сажал свой тюремный крест на снежный склон, я считал, что здесь меня будет ждать что-то вроде вырубленных в снегу тесных помещений с ледяными стенами. Возможно, несколько соединенных узкими коридорами снежных пещер, где температура лишь на несколько градусов выше ноля. Я осознавал, что тут внизу за прошедшие десятилетия налажен кое-какой быт, есть источник пропитания, но... Но я и подумать не мог, что окажусь в самом настоящем бункере с надежным освещением и отоплением, с туалетами, душевыми комнатами...

Реальность оказалась в разы круче всего, что я себе осторожно представлял, стараясь не перегнуть палку в мечтаниях. А оказалось, что палку я сильно «недогнул». Тут все было сначала продумано, затем построено и продублировано. Люди строили на века, четко действуя по намертво вбитым в них еще тем – старым – правилам начала двадцатого века. Они все делали по отпечатавшимся в их головах канонам строгой системы. У них все получилось... и если бы не начавшаяся стагнация, приведшая к потере почти всех наработанных контактов и разрыву почти всех установленных связей, Бункер мог бы оказаться настоящим центром раскинувшейся в снежной пустоши паутины из мерцающих искорок жизни.

Мог бы! Но не стал... Вся созданная мощь и весь набранный потенциал годами бродили внутри запаянной банки Бункера... Архивы, производственные мощности, продуманная иерархия власти, основанные на взаимопомощи доверительные отношения с другими убежищами и... И вот он – горький результат непродуманной и крайне глупой смены курса...

Теперь в лидерах луковиданский бункер Восьми Звезд, а люди с Земли где-то в самом хвосте по всем параметрам. И всей информации – лишь крайне устаревшие и наверняка во многом уже неактуальные данные с бумажного клочка...

И почему я не удивлен такому раскладу? Почему мне кажется, что такое уже не раз случилось – там, на Земле, и порой с целыми странами...

Что ж – надо быть благодарным даже за имеющуюся информацию. Кое-что из сведений наверняка все еще сохраняло свою актуальность. Например, данные о точном местоположении бункера, об указывающих на него незыблемых ориентирах и о том, где находится главный вход и куда он направлен.

Бункер Старого Капитана начался с того, что бредущий сквозь пургу одинокий старик провалился в глубокую яму и серьезно повредил себе обе ноги. На этом его история могла бы полностью закончиться, как и истории тех, кто также провалился, покалечился и погиб. Но этот старик выжил. Он не мог ходить, не мог подняться по отвесным скользким стенам, но он мог ползать. А еще он не позволил себе свихнуться и не позволил навалившейся безнадежности вцепиться льдыстыми когтями себе в душу. У него имелась теплая одежда, запас сбереженных продуктов, немного медикаментов и кое-какой мелкий инструмент. Это решило судьбу престарелого Робинзона – еще одного из многих. А ведь и я там, в летающей тюрьме, готовился к подобной участи, но все пошло по иному сценарию. Вообще о том первом и оставшемся безымянным старике, основателе бункера Старого Капитана, было мало что сказано в записях. Упоминалось все вкратце и без подробностей, но даже сухого перечисления фактов мне оказалось достаточно, чтобы в голове разом ожила сочная яркая картинка.

В стене глубокой западни старик выбил для себя небольшую нишу, куда сумел затащить рюкзак и втиснуться сам. Оказав себе первую медицинскую помощь, он немного отдохнул, а затем продолжил выбивать снег, копая себе наклонный крысиный лаз к поверхности. Он резонно решил, что лучше уже потратить силы на прокопку пятнадцатиметрового прохода, чем пытаться преодолеть четыре метра вверх по вертикали. Именно тогда и было сделано открытие – он находится не в снежной яме, а внутри утонувшей в снегах каменной постройки с провалившейся прямо под ним крышей. Следующей находкой – весьма ценной – стала более чем целая кладовка на втором этаже. Узкая дверь, небольшое помещение, тянущиеся вдоль стен полки с различными вещами, знакомыми и чужими одновременно.

Да. Бункер Старого Капитана начался с кладовки и с разведенного прямо перед ней костерка из древней мебели, дым от которого уходил через пробитую в снежном покрове дыру.

А продолжилось все проходящей мимо заблудившейся старухой, что вдруг увидела выползающего из снежной дыры усталого человека. Дальше они все делали вместе: лечились, копали снег, латали дыру и укрепляли крышу, налаживали отопление хотя бы одного помещения. Через год к ним присоединился еще один человек. Через три года – еще один. Так вот по человечку за человечком рождалось новое убежище, одновременно расширяясь и уходя все глубже под землю.

И, как всегда, вскоре появился лидер, чье имя и звание дошли и до нас: старший помощник командира корабля Коновалов Сергей, которого примерно тогда же за заслуги повысили в звании до капитана. Первый капитан. В честь него и было названо убежище – Бункер Старого Капитана. С тех пор традицию сохраняли, а во внутренней иерархии бункера использовались флотские должности и звания.

По размерам это убежище было куда меньше нашего, но являлось вполне себе надежным теплым местом для медленно доживающих свой долгий век стариков. А большего им и не требовалось. Достаточно долгое время между убежищами поддерживалась регулярная радиосвязь, были и поездки, хотя про них знали только обитатели Замка, решившие сохранить все в тайне от жителей Центра и уж тем более Холла. Имелась даже пояснительная приписка: «дабы лишний раз никому не бередить души».

После того как наш Бункер принял решение уйти на самоизоляцию, соединяющие два убежища ниточки начали беззвучно рваться, пока не лопнула последняя – редкий радиообмен новостями.

Филимон в четвертый раз закончил чтение, и я тихо выругался – тоже в четвертый раз. И сейчас выбрал куда более мягкое выражение своих чуть угасших эмоций. Ненадолго включив наружное освещение, я нащупал фарами гряды из уже начавших сливаться воедино шести идущих в один ряд совсем невысоких холмов. Вот и главный ориентир. Мне нужно двигаться к середине этой тонущей в снегу гряды, и я чуть подправил маршрут.

– Бункер Старого Капитана, – прошептал Филимон. – Господи... сердце-то как колотится в груди...

– Оно и понятно, – кивнул я.

– А вот ты спокойным выглядишь, – заметил старик. – Уже привык небось?

– Есть такое, – признался я, вспоминая свои первые вылазки и то, как попал на покинутую чужую базу, как заходил в луковийанский бункер...

Тогда эмоций было больше. Да их и сейчас хватает, ведь в каждом из нас живет переполненное яркими пограничными эмоциями дитя – просто мы похоронили его под броней взрослой сдержанности и прикрыли мозолистым пластом усталой безразличности. Вот и я научился сдерживаться так хорошо, что при нужде давя эмоции в самом их зародыше. И сейчас как раз такой случай, когда эмоциям поддаваться ну никак нельзя. Цепко держась за рычаги управления, я вел гусеничную машину к цели, больше глядя по сторонам, чем вперед. Я был готов к самому худшему – ведь не зря же уже устоявшееся надежное убежище перестало выходить на связь. Там наверняка что-то случилось. Но что?

Это нам и предстояло выяснить...

* * *

– Плохо... – тихо сказал я, поднимаясь с колена. – Прямо плохо...

У моих ног лежали два человеческих черепа. Один был раздавлен, другой просто очищен от всей плоти. Там же нашлось несколько костей помельче. Особо и копать не пришлось: останки обнаружили невооруженным взглядом.

В пяти шагах от меня на снегу сидел Сергей Блат, глядя на то, что когда-то было небольшой палаткой, а теперь превратилось в рваный саван. Внутри еще кости – я уже осмотрел их, перед тем как перейти сюда. Фары замершего в нескольких метрах вездехода высветили каждый сантиметр площадки у отвесной снежной стены, являющейся срезанной частью холма. У самой стены, там, где намело трехметровые сугробы, я нашел еще немало старых костей, один издырявленный червями рюкзак и самодельную сумку в таком же состоянии. Вещи я отнес в вездеход, и ими уже занимается оставшаяся в машине половина личного состава.

– Не нагибайся! – напомнил я, и Сергей поспешно выпрямился, опять подставляя черному небу не свою согбенную спину, а защитный козырек рюкзака.

Старик вооружен обрезом, и перед выходом из вездехода я заставил его раз двадцать отработать необходимые действия на тот случай, если его подхватит упавший сверху летающий змей и потащит в воздух. Сергей ворчал, показывал характер, напоминал, что я уже заставлял его это делать еще в Бункере перед выездом, и вообще... но я настоял.

– Их убили у самых ворот! – крикнул он мне, перебарывая шум ветра. – Зверье поработало! Не повезло так не повезло!

– Или их просто не пустили, – возразил я, поворачиваясь к снежной стене.

Там ворота. Причем достаточно узкие и невысокие. Рассчитанные скорее на проход широких саней, а не на прохождения вездехода. Впрочем, протиснуться мы должны – если есть куда, и если верить данным Замка.

Наверняка все погибшие пришли сюда очень давно. Я сужу не по голым костям – тут постарались черви, а при вечном серьезном минусе и не понять, когда случилась смерть. Тела могут десятилетиями пролежать почти нетронутыми, пока несущий колкий лед ветер мед-

ленно сдирает с мертвых лиц промерзшую плоть слой за слоем, пока не обнажается череп. И с телами случилось бы то же самое, если б не защищающая их одежда. Видел я как-то документалку про кладбище Эвереста... Но тут хватает хищников, и тот сплюснутый череп наверняка раздавлен ползучим медведем.

И все это случилось давно. Я сужу исходя из логики.

– В машину! – скомандовал я, и Сергей с готовностью подчинился.

Неся с собой негнувшиеся от мороза куски вроде как верхней одежды, он поднялся на гусеницу и вошел в машину первым, а я следом за ним, держа оружие наготове. Не снимая меховую куртку, я стащил только рюкзак с плеч и заторопился в кабину, на ходу отвечая на вопросы стариков.

– Сколько там бедолаг-то поеденных?

– Я видел три черепа, – сказал я, опускаясь в кресло и дергая за рычаг под консолью управления.

Вдавлив педаль, заставил вездеход сдвинуться с места.

– Медведи? Черви?

– Не знаю, – отозвался я, останавливая машину у границы подступивших к стене высоких сугробов – Могли просто замерзнуть.

– Эх... А бункер?

– Да не знаем мы пока! – рявкнул не выдержавший Сергей, уже сидящий рядом с печкой. – Филя! Дров подбрось, едрить твою! Я обрывков с карманами натащил – может, документы в них какие или еще что. А в рюкзаках что?

– Да мусор, считай, один померзлый...

– Тащи сюда! Отогреем все это добро и осмотрим. Охотник... ты ведь копать собрался?

– Да, – кивнул я, в то время как вездеход тяжело разворачивался на месте, вспарывая снег и дробя торосы.

– А может, протараним сугроб?

Поднимаясь с кресла, я покачал головой и тихо пояснил:

– Окажись я здесь – первым делом постарался бы зарыться поглубже в снег. Затем начал бы копать проход к занесенным воротам. Думаю, кто-то из этих несчастных наверняка поступил точно так же.

– Эх... – слушающий меня Филимон жалостливо вздохнул. – Беда-то какая...

– А если их убили? – спросил молчавший до этого радист, сидящий у своей аппаратуры. – Кости мало о чем скажут, если на них следов нет от ножа там или от пули.

– Расклад может быть любым, – я пожал плечами и кивнул на разложенные на полу обрывки и какие-то уцелевшие вещи. – Но раз их рюкзаки и сумки остались здесь же, я ставлю на мороз и хищников, а не на других людей.

– Согласен, – буркнул Сергей, показывая всем лежащий на ладони нож. – Финка! С наборной рукоятью. Вещь! Такую в снегу бросать не станут. Людишки тут либо померзли, либо хищники их подрали. Охотник прав: они просто не сумели попасть в убежище. Или их не пустили...

– Нет смысла гадать на снежной пыли, – проворчал я, поднимая свой рюкзак и вешая на специальный крюк. – Тут копать надо. Как докопаемся – так и узнаем.

Сняв с держателей лопату с короткой ручкой, я отнес ее к двери, после чего полез к потолочному люку, намереваясь поднять и раздвинуть антенну, попутно поясняя наши следующие действия:

– Копать будем мы с Сергеем по очереди и без всякой спешки. Касьян Кондратович – нам нужна связь с Бункером. Расскажем о не слишком хорошем открытии, заодно еще раз поработаем ретранслятором. Через часа два хотелось бы похлебки с медвежьим мясом.

Убедившись, что все роли распределены и поняты, я кивнул и разблокировал люк. Не обращая внимания на ударивший в лицо ледяной ветер, я принялся сбивать лед с лебедочного механизма, одновременно прикидывая масштаб предстоящих работ. В принципе, расстояние до ворот невелико – вернее до имеющейся в них узкой двери. И если она не заперта, то все разом становится куда проще. А если заперта... что ж... тогда я постучу. Не ответят – постучу еще раз или даже десять. Выжду часик. А затем без малейших колебаний выдерну эту дверь ко всем чертям с помощью вездехода...

Я человек вежливый. Если пошлете меня куда подальше – я уйду. Но глухое молчание – знак смерти. И значит, можно не церемониться...

Глава четвертая

Мрачные находки. Ледяная нора, тоска и плач безмолвный. Стальная дверь и рык звериный

В своих предположениях я не ошибся.

Приходившие сюда люди, поняв, что их никто не встречает, не торопились сдаваться. Они продолжали бороться, неся в сердцах еще не угасшую надежду. Чуть передохнув, потоптавшись в снежной целине, они приходили к одной и той же мысли, после чего подыскивали из своих пожитков наиболее подходящий инструмент и начинали вгрызаться в снег. Сначала им, как и нам сейчас, встречался снег сыпучий, еще не слежавшийся, легко отбрасываемый назад, на миг повисающий белым облачком и тотчас уносимый злым ветром. Они продолжали и продолжали копать, уходя так глубоко, насколько хватало сил и упорности – а этот запас у каждого был свой. Тут все как в жизни или в воде: каждый барахтается так долго, как может. Хотя там в нормальной жизни, может быть, кто-то бы и помог утопающему... но здесь помочь было некому. Сюда приходили поодиночке. И в одиночестве сталкивались со всем спектром чувств: обреченность, тоска, бессильная злоба... Но при этом они продолжали копать снег – таков уж склад ума привыкших не сдаваться сидельцев.

Кому-то сил хватило всего на три метра, другие ушли глубже.

Человеческие кости начали попадаться почти сразу, заодно наглядно показывая почти археологический срез человеческого упорства. А заодно показался и срез того, кто и насколько глубоко способен учуять желанную добычу и проникнуть за ней в снежную толщу. Хотя тут ничего нового я для себя не открыл. Сначала под лезвие лопаты попадались такие же кости, как и там снаружи: лишь малая их часть не несла на себе повреждений, тогда как остальные были расплющены и разгрызены. Тут поработали снежные медведи, сумевшие унюхать, возможно, еще не заledenелое мясо или пришедшие за оживившейся стаей червей.

Но как только я продвинулся еще на три метра глубже и наткнулся на каменную стену ведущего внутрь достаточно узкого прохода, снег стал куда плотнее, а полностью целых костей и разбросанных вещей прибавилось в разы. Я продолжил копать, и находок прибавилось: достаточно длинная серия уцелевших пещерок, где нашел четыре полностью целых человеческих костяка, лежащих практически на одной линии. Черви аккуратно сожрали плоть, сдвинув только мелкие кости. Поэтому я, проползая мимо и возвращаясь, чтобы вытащить снег, мог хорошо разглядеть тела и даже понять, как они провели последние мгновения своей жизни.

Лежащий навзничь костяк при жизни наверняка был очень высоким мужчиной. Под завалившимся набок черепом лежит пока нетронутая мной черная издырявленная сумка. Кисти рук покоятся на реберной клетке, ноги вытянуты и сомкнуты. Человек копал пока мог. А когда выдохся или надломился морально, что неудивительно, учитывая более чем преклонный возраст и окружающее пространство, предпочел улечься, как положено, и погрузиться в вечный сон.

Женский скелет в позе эмбриона. Она в шаге от того высокого. На теле – клочки длинной синей юбки, на ступнях – вполне целые резиновые сапожки совсем невеликого размера. Из голенищ торчат нити какого-то утеплителя. Руки прижаты к груди, лицо уткнуто в снег, а сверху на костяк набросано тряпье: она укрылась чем могла в попытке согреться.

Два сидящих бок о бок скелета. Один уже развалился, а другой, сжатый снежными объятиями, буквально набитый снежной массой, продолжал сидеть рядом с упавшим товарищем. Наполовину вросший в снег череп направлен глазницами в ту сторону, где находится молчаливый бункер Старого Капитана. Рядом бесформенная куча рюкзака, а между ног стоит пустая

стеклянная бутылка. Около нее лежит алюминиевая кружка с обмотанной зеленой изолентой ручкой.

Благодаря найденным пустотам, я сэкономил немало сил и времени. Я лишь немного расширил их вверх, чтобы можно было спокойно стоять на коленях и иметь пространство для замаха, после чего продолжил работать в ровном щадящем темпе. Я не знал, что ждет впереди, и предпочел экономию сил. Почувствовав легкую усталость, подавил желание вернуться в теплое пространство вездехода и остался здесь, усевшись напротив вросших в стену обглоданных скелетов. Свинтив крышку термоса, налил себе горячего питья, привычно вытащил из кармана куртки сверток с тонко нарезанным соленым салом и принялся трапезничать в свете ровно горящего светильника. Лампу выделил Замок. И я не удержался от горького смеха, когда осмотрел выданную с таким пиететом ценную вещь и понял ее назначение. Светильник представлял собой прозрачный стеклянный куб с синеватым отливом размером с два кулака. Одним углом куб закреплен на стальной ножке с острым концом. Активируется крохотным рычажком на одной из граней – кто бы сомневался. Горит ровным мягким светом, регулировки яркости освещения нет. Садовый светильник – вот что это такое. Таких полно и на нашей планете, где они, чаще всего, снабжены солнечными панелями и воткнуты острыми ножками в грунт рядом с дорожками на даче. У нас их принцип работы иной, но предназначение то же самое – дарить успокаивающий свет и отгонять пугающую тьму.

Частично стянув капюшон, я расстегнул верхнюю пуговицу, позволяя скопившемуся под одеждой горячему влажному воздуху выйти наружу. Прислонившись затылком к старому слежавшемуся снегу, я затих, с нескрываемой радостью ощущая, как быстро в тренированное тело приходят новые силы.

Глупцы говорят что-то вроде «мое тело – мой храм». Но в храмах не живут. В храмах ничего не меняют. Там вообще ничего не делают физически – и именно поэтому там всегда пахнет не застарелым потом, а ладаном и свечным воском. В храм пришел, помолился и ушел. Был бы я верующим, сказал бы, что в храме может жить душа, но никак не брэнное тело. Так что я снова живу по некогда позорно оставленным мной ценным принципам. И один из них гласит, что мое тело – мой личный инструмент. Мой механизм активного бытия. И вот сейчас, сидя в полутемной снежной норе, после достаточно долгого отрезка нелегкой работы в неудобной тяжелой одежде, я чувствую, что мой механизм бытия в полном порядке. Шестерни ходят спокойно и четко, они не буксуют в нажитом сале, не трясутся на дряблых остатках нетренированных мышц, не останавливаются из-за перехваченного непривычной нагрузкой дыхания – потому что мое дыхание ровное и размеренное. Я в полном порядке. И осознание этого грело душу лучше всякого чая.

Я съел сало и допивал вторую порцию травяного настоя, когда сквозь узкий проход в пещерку втиснулся Сергей Блат, таща за собой кусок ткани, в которой я опознал разодранную палатку. Замерев у входа, он оглядел полускрытые снегом скелеты, оценил мою позу, а я сидел ровно так, как и вмерзшие в стену останки напротив, после чего гулко кашлянул и спросил:

– Тебя, Охотник, вообще ничего не берет, что ли?

– Бояться надо не мертвых, Сергей, – тихо ответил я, глядя, как в забитых снегом глазницах смотрящего на меня черепа поблескивают искорки льда. – Бояться надо живых.

– А то я не знаю! Я не об этом сейчас. Че я – мертвых не видал? Может, побольше твоего повидал.

– Скорей всего, – кивнул я, вспоминая кладбище Бункера и то, сколько там относительно свежих могил.

Пусть старики и подпитаны «особыми» добавками в похлебке, но они все же не бессмертны. Так что да – еще живые обитатели Бункера успели вволю насмотреться на мертвых друзей. Кажется, я даже что-то читал на эту тему, когда начинаешь с особого рода безразлич-

ностью и странным пониманием относиться к регулярным смертям вокруг себя. Такое бывает у докторов, работников хосписов, в концлагерях и у жителей домов для престарелых.

– Тогда чего спрашиваешь-то? – спросил я, наливая себе еще немного чая и бросая еще один взгляд на скелеты в снежной стене.

– Так одно дело мертвецов хоронить... но ты то просто сидишь тут напротив скелета, попиваешь чаек и солнечно так улыбаешься.

– А... да это я о своем задумался. О личном.

– О личном в компании мертвецов?

– А почему нет? – я удивленно взглянул на Сергея и приглашающе указал на место рядом с собой. – Присаживайся. Чая налью.

– Не, – отказался он. – Моя очередь снег копать. Я там все тобой накопленное разгреб, стенки поднял, чтобы с боков не задувало порошей. Филимон перекрестился и рычаг в вездеходе дернул – ну чтобы не глохло ничего. Вот ведь шут гороховый... почти сто лет прожил, а смерти все боится... Радист тоже при делах.

– Спасибо, – кивнул я, оценив проделанный им объем работы. – Черви не появились?

– Ни одного не нашел.

– Хорошо, – я успокоено кивнул.

Черви – первый признак опасности. Медведи приходят вслед за червями, зная, что там их может ждать вкусное угощение. И есть у меня пока ничем не доказанная и, может, совсем глупая теория о том, что все крупные хищники наводятся на цель именно стайными червями, при этом хищникам не обязательно видеть самих червей. Между ними, возможно, существует какая-то иная связь.

Застегнув пуговицы, затянув потуже шарф и вернув на место капюшон, я подтянул к себе рогатину, проверил остальное оружие и снова замер у стены, погрузившись в спокойные полусонные мысли. При этом я знал, что надолго старика не хватит – дело даже не в возрасте, а как раз в тренированности. И я не ошибся. Вытолкнув кучу накопленного снега в пещеру, отдуваясь, он вылез следом и привалился к стене плечом, хватая ртом воздух.

– Так не пойдет, – произнес я. – Не хапай так воздух. Хочешь свалиться с простудой?

– В моем возрасте, считай, верная смерть... – просипел старик, утыкаясь ртом в воротник и силясь унять дыхание. – Годы уже у меня не те, Охотник. Ой, не те...

– Возраст тут не так важен, – возразил я, протискиваясь мимо него. – Когда последний раз за лопату или копье брался?

– Да, наверное, лет пятьдесят тому назад, – рассмеялся он. – А тут разве что на похоронах снегом покойника заваливал, так там и остальные помогали. Я этому всегда удивлялся...

– Чужой помощи? – недоуменно спросил я уже из темного отнорка.

– Ей самой. В Холле раньше ни в одном деле, ни от кого помощи не допроситься было. А вот как кого снежком навеки прикопать – так все рады по горсти кинуть! Что за люди...

– А я считаю, что так и должно быть, – отозвался я, вонзая лопату в плотный снег. – Это инвестиция.

– Чего-чего? – пыхтящий Сергей сгреб снег на остатки палатки и с недоумением глянул на меня. – Что за слово такое?

– Инвестиция, – повторил я. – Денежное вложение.

– Только здесь не деньги, а снег в могилку вкладывают.

– Именно, – улыбнулся я. – Это как гарантия того, что вложенные инвестиции однажды вернутся к тебе хотя бы в том же объеме. А лучше в двойном размере.

– В смысле – горстью снега похоронного?

– Ага. Ты закапываешь мертвеца, чтобы однажды закопали тебя.

– Ха! Тогда я немало вложил в это дело! Скольких я здесь похоронил? Сколько горстей снега уронил на брошенные в трещину тела друзей? Наши братские могилы полны...

Я рассмеялся и бросил к нему выбитую из стены снежную глыбку.

– Вот видишь, Сергей, жизнь прожита не зря. Теперь тебя точно закопают, а не бросят в углу.

– Ну... уже неплохо, верно?

– Согласен.

– Хотя я от личной могилки не отказался бы.

– Хочешь лежать под крестом?

– Хочу лежать узнаваемо. Ну, чтобы подошли люди к холмику и на кресте прочли, что здесь лежит Сергей Блат, желающий всем благ. А лежать в общей могиле...

– Так для тебя лично никакой разницы уже не будет, – заметил я.

– А вдруг будет? Похороны ведь не зря существуют – с отпеванием, с лежанием в крепком гробу, и чтобы крышку как следует заколотили.

– Похороны придуманы людьми, – ответил я. – Остальные живые существа просто возвращаются в экосистему.

– Куда?

– В природу.

– Кормом для зверья и червей?

– Ага, – улыбнулся я. – Кормом для зверья и червей. И удобрением в почву.

– Да ну... к черту всех этих голодных тварей! Я хочу спокойно сгнить в своем гробу! Чинно! И даже достойно!

– В автолизе очень мало чинного и достойного, – вздохнул я и пожал плечами. – Да и ладно.

– Любишь ты словечки странные использовать. Начитанный, что ли?

– Начитанный, – подтвердил я. – Когда-то читал очень много. Стремился достичь порога. Хотел напитать мозг как можно большим количеством максимально разнообразной информации.

– Зачем?

– Вот и я думаю – зачем? – хмыкнул я. – Но тогда считал, что этот метод приведет меня к качественному прорыву на рубеж выше.

– А что там выше?

Я пожал плечами:

– Ну... лучшее будущее. Больше денег и путешествий, больше осмысленной и осознанной жизни, меньше глупых поступков и меньше всякой порождаемой тупыми делами грязи...

– Ну да... слышал я о таком. Не будешь умные книги читать – в тюрьму попадешь или всю жизнь чужие канализационные стояки чинить будешь.

– Ну... как-то так, – согласился я. – Не настолько буквально, но...

Я не договорил. После очередного удара лопата подалась вперед и ушла в дыру почти полностью. Сопротивления там внутри не ощущалось – пустота.

– Куда-то пробились, – тихо произнес я, вытягивая лопату и нанося удар рядом, чтобы расширить отверстие. – Дай-ка ту садовую лампу, Сергей...

Дождавшись, когда в руку втиснут ровно горящую лампу, я просунул ее в отверстие. Заглянули мы туда вместе с Сергеем. И надолго замерли у дыры, глядя на открывшееся за стеной относительно небольшое рукотворное пространство.

Стены сложены из ледяных блоков, пол устлан одеялами. Все белым-бело – здесь осел иней, укутавший все белоснежным покрывалом, которое закрыло и пять вытянувшихся в дальнем углу мертвых тел.

– Это ведь не бункер Старого Капитана, так? – кашлянув, уточнил согнувшийся рядом старик.

– Не думаю, – ответил я, вытягивая лампу и снова беря лопату. – Это скорее тот самый прорыв на следующий рубеж. Сюда добрались самые упорные.

– И к чему это их привело? К могиле чуть дальше по коридору?

– Их не съели черви, – я взглянул на ежившегося старика. – Ты ведь об этом мечтал?

– Ну... тогда у них все получилось, – пробормотал Сергей и схватился за край нагруженного снегом драного брезента. – Я оттащу и вернусь.

– Проверь там все, – попросил я. – И будь осторожным! Ты запомнил положение сугробов у выхода?

– А?

– Медведь в засаде выглядит обычным сугробом, – пояснил я. – Просто небольшой бугор среди прочих. Ты запомнил положение сугробов?

– Конечно, нет!

– Схожу-ка я с тобой, – вздохнул я, вонзая лопату в снег.

– А... а эти? – старик глянул на пробитую стену.

– А этим уже торопиться некуда, – ответил я, поднимая с пола охотничью рогатину.

Мы вернулись через полчаса. Перед этим убрали мешающий снег, проверили сугробы, заглянули в вездеход, успокоив остальных членов команды и рассказав о ходе дел. А дела были не особо радостные. Столько мертвых тел, столько погибших у самого входа в убежище... Это все говорило о вымирании самого бункера и о том, что нас ждет еще немало крайне печальных находок. К этому я и постарался всех подготовить, рассказав все как есть и главный упор сделав на нашу с ними роль в происходящем. Мы не могильщики, мы исследователи или даже археологи. Мы не должны погружаться в чужие беды слишком глубоко – в них нет нашей вины. А вот разобраться в произошедшем – наша прямая обязанность как посланцев Бункера. Я уложился минут в пять и, судя по всему, справился с донесением главной мысли на отлично. Лица стариков посветлели, радист склонился над своим столиком, начав деловитый доклад, остальные принялись собираться со мной: дел предстояло немало, и лишние руки не помешают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.